

ДИСКРИМИНАЦИЯ

Статья 2

1. Каждое участвующее в настоящем Пакте Государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

Статья 3

Участвующие в настоящем Пакте Государства обязуются обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования всеми гражданскими и политическими правами, предусмотренными в настоящем Пакте.

Статья 26

Все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. В этом отношении всякого рода дискриминация должна быть запрещена законом, и закон должен гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку, как-то: расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

ВВЕДЕНИЕ

Запрет на дискриминацию является одной из наиболее важных и динамично развивающихся областей прецедентного права Комитета по правам человека. В значительной степени это связано с тем фактом, что, в отличие от других договоров о защите прав человека, статья 26 Пакта не запрещает дискриминацию при осуществлении других прав, защищаемых в этом договоре, а определяет свободу от дискриминации как отдельное самостоятельное право человека. Это одна из причин того, что процедура по Факультативному протоколу остается привлекательной для лиц, подлежащих юрисдикции Европейской конвенции о защите прав человека, в которой нарушение антидискриминационного положения (статья 14) может быть установлено только когда дискриминация происходит при осуществлении другого права, защищаемого в этой Конвенции¹.

Самостоятельная природа статьи 26 была установлена в 1987 году в деле *Зваан-де Вриес против Нидерландов*, которое приводится ниже. Нарушение указанной статьи было установлено в связи с тем, что замужние женщины подвергались дискриминации при получении пособия по безработице, т.е. дискриминация была явно связана с экономическими или социальными правами, а не с гражданскими или политическими правами в узком понима-

---

¹ Вступление в силу Протокола № 12 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ETS № 177) устранил этот недостаток Европейской конвенции, но только в отношении тех государств, которые ратифицировали этот Протокол.

нии. Еще одно подобное дело *Гейе и другие против Франции* также приводится в данном разделе. В этом деле было установлено, что дискриминация по признаку национальности при назначении пенсии является нарушением статьи 26. Хотя в более позднем деле *ван Орд против Нидерландов* (Сообщение № 658/1995) отмечается, что двусторонние договора между государствами на основе взаимности могут оправдывать определенные различия в назначении пенсий, дело 2002 года *Каракурт против Австрии* (Сообщение № 965/2000) показало, что сила аргумента о взаимности в качестве оправдания различий по признаку национальности имеет свои границы².

В отличие от некоторых договоров, в которых особое внимание уделяется запрету на дискриминацию, в Пакте не содержится какого-либо определения “дискриминации”. В своей судебной практике Комитет подчеркивает, что запрет на дискриминацию не делает любые различия в обращении дискриминационными, так как “дифференциация, основанная на разумных и объективных критериях, не равнозначна запрещенной дискриминации по смыслу статьи 26”³. В деле *Даннинг против Нидерландов*, которое рассматривалось одновременно с делом *Зваан-де Вриес*, Комитет высказал точку зрения о том, что дифференциация между состоящими и не состоящими в браке парами не являлась дискриминацией, так как решение о вступлении в брак, со всеми вытекающими преимуществами и обязанностями, принимают исключительно сожительствующие лица⁴.

В своем Замечании общего порядка № 18 (37), принятом в 1989 году, Комитет следующим образом разъяснил свое понимание термина “дискриминация”:

...Комитет считает, что выражение “дискриминация”, как оно используется в Пакте, следует понимать как означающее любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, которое основано на признаках расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства и которое имеет целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления всеми лицами, на равных началах, всех прав и свобод⁵.

---

² *Якоб ван Орд и Янтина Хендрика ван Орд против Нидерландов* (Сообщение № 658/1995), Решение о приемлемости принято 23 июля 1997, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 40 (A/52/40), сс. 311-316. *Каракурт против Австрии* (Сообщение № 965/2000), Соображения, принятые 4 апреля 2002 года, UN doc. CCPR/C/74/D/965/2000.

³ *Зваан-де Вриес против Нидерландов*, пункт 13.

⁴ *Л.Г. Даннинг против Нидерландов* (Сообщение № 180/1984), Соображения, принятые 9 апреля 1987 года, Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок вторая сессия, Дополнение № 40 (A/42/40), сс. 151-159. См., в частности, пункт 14 Соображений Комитета.

⁵ Пункт 7 Замечания общего порядка № 18 (37), приводится в UN doc. HRI/GEN/1/Rev.5, сс. 134-137. Этому утверждению предшествуют прямые ссылки на определения

Хотя в Замечании общего порядка не приводится явной ссылки на понятие непрямой дискриминации, упоминание о “цели” вместе со “следствием” в приведенной выше цитате подразумевает, что под дискриминацией Комитет понимает не только прямую дискриминацию, направленную на определенную категорию лиц, но также и ситуацию, в которой на первый взгляд нейтральное положение закона непропорционально затрагивает определенную категорию лиц по сравнению с другими, т.е. непрямую дискриминацию⁶. Это подтверждается в приведенном ниже деле *Симунк и другие против Чешской Республики*. Определив нарушение статьи 26 в том, что законодательство государства-участника, позволяющее жертвам конфискаций, проводившихся при прежнем режиме, требовать возвращения своего имущества, содержит необоснованную дифференциацию, Комитет подчеркнул, что намерения законодательных органов не являются определяющим фактором при решении вопроса о нарушении положений статьи 26. Независимо от намерений законодательных органов закон “может также представлять собой нарушение статьи 26, если его последствия имеют дискриминационный характер” (пункт 11.7). В качестве примеров дел, в которых не было установлено нарушений Пакта в контексте пост-коммунистических схем возвращения имущества, можно привести дела *Петер Дробек против Словакии* (Сообщение № 643/1995, которое было объявлено неприемлемым в связи с отсутствием обоснования) и *Иван Шомери против Венгрии* (Сообщение № 566/1993)⁷.

Большая часть судебной практики Комитета по статье 26 связана с заявлениями о дискриминации по признаку пола или национальности. Твердый подход к дискриминации по признаку пола был принят уже в 1981 году в деле *Аумеерудди-Чиффра и другие против Маврикия*, которое приводится ниже. В деле *Тунен против Австралии*, текст которого приводится в разделе о частной и семейной жизни, Комитет придерживался мнения о том, что сексуальная ориентация, как запрещенное основание для дискриминации, подпадает под понятие “пола”, содержащееся в Пакте (пункты 8.7 и 11). Комитет использует понятие “гендер” в своем обосновании нарушения статьи 26 в недавнем (2002 год) деле *Мюллер и Энгельхард против Намибии* (Сообщение № 919/2000) без каких-либо разъяснений относительно того, является ли этот

дискриминации, включенные в текст Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

⁶ Недавно Комитет использовал понятие непрямой дискриминации в деле *Руперт Алтхаммер и другие против Австрии* (Сообщение № 998/2001), Сообщения, принятые 8 августа 2003 года, UN doc. CCPR/C/78/D/998/2001. См. пункт 10.2 Сообщений Комитета.

⁷ *Петер Дробек против Словакии* (Сообщение № 643/1995), Решение о приемлемости принято 14 июля 1997 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 40 (A/52/40), сс. 300-303. *Иван Шомери против Венгрии* (Сообщение № 566/1993), Сообщения, принятые 23 июля 1996 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, GAOR, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 40 (A/51/40), сс. 144-154.

термин идентичным понятию “пол”, упоминаемому в тексте статьи 26⁸. В недавнем деле *Эдвард Янг против Австралии* (Сообщение № 941/2000) было установлено нарушение статьи 26, так как имела место дискриминация по признаку “пола или сексуальной ориентации”. Автору сообщения, который был одного пола со своим партнером, ветераном войны, было отказано в назначении пенсии в связи с потерей кормильца после смерти партнера. В своих Соображениях Комитет основывался на том факте, что государство-участник не представило никаких аргументов в отношении того, почему различие между партнерами одного пола, которые получали отказы в назначении пенсий, и не состоящими в браке партнерами разного пола, которым пенсии назначались, было обоснованным и объективным⁹.

В деле *Гейе и другие против Франции* было установлено, что дискриминация по признаку национальности подпадает под определение “иного обстоятельства” из статьи 26 (пункт 9.4), таким образом, Комитет воспользовался неисчерпывающим характером списка запрещенных оснований для дискриминации из этого положения Пакта. В деле *Фуэн против Франции*, которое также приводится ниже, было установлено, что альтернативная гражданская служба в течение 24 месяцев, тогда как продолжительность военной службы не превышает одного года, является дискриминацией на том основании, что автор был убежденным противником военной службы по соображениям совести. В деле *М. Схмитз-де-Йонг против Нидерландов* (Сообщение № 855/1999) автор заявлял о дискриминации на основе возраста, которая, однако, не была установлена. Комитет постановил, что распространение действия определенных экономических льгот на тех партнеров пенсионеров, которые сами достигли шестидесятилетнего возраста, а не на всех партнеров независимо от возраста, было объективным и обоснованным¹⁰.

В приведенном ниже недавнем деле *Каванах против Ирландии* внимание переключается с вопроса о запрещенных основаниях для дискриминации в соответствии со статьей 26. В этом деле Комитет придал независимое значение первому предложению статьи 26, в котором всем людям гарантируется “равная защита закона”. Не считая нужным определять какие-либо конкретные основания для дифференциации или какую-либо категорию лиц, Комитет высказал свое мнение о том, что решение исполнительных органов передать дело автора на рассмотрение специального суда само по себе явилось нарушением статьи 26 при отсутствии надлежащего обоснования.

---

⁸ *Мюллер и Энгельхард против Намибии* (Сообщение № 919/2000), Соображения, принятые 26 марта 2002 года, UN doc. CCPR/C/74/D/919/2000.

⁹ *Эдвард Янг против Австралии* (Сообщение № 941/2000), Соображения, принятые 6 августа 2003 года, UN doc. CCPR/C/78/D/941/2000.

¹⁰ *М. Схмитз-де-Йонг против Нидерландов* (Сообщение № 855/1999), Соображения, принятые 16 июля 2001 года, Доклад Комитета по правам человека, Vol. II, UN doc. A/56/40 (Vol. II), cc. 165-167.

В Замечаниях общего порядка № 18 (37)¹¹ о недискриминации и № 23 (50)¹² о меньшинствах Комитет выступает в пользу положительных действий или позитивных мер, направленных на исправление дискриминации или неравенства. Однако в судебной практике по Факультативному протоколу остается открытым вопрос о том, до какой степени такие действия можно считать не только допустимыми, но и обязательными в соответствии с Пактом¹³. В приведенном ниже деле *Блом против Швеции* Комитет высказал свое мнение о том, что когда в системе образования государства-участника предусматривается как частное, так и государственное образование, нельзя считать, что государство-участник действует дискриминационным образом, если в условиях, когда государство не осуществляет надзор над системой частных школ, оно не предоставляет одинаковых пособий двум типам учебных заведений (пункт 10.3). Однако в деле *Вальдман против Канады* было установлено, что финансирование государством-участником религиозного образования для одного меньшинства, но не для других меньшинств в сходной ситуации, являлось дискриминацией. Это дело приводится в разделе о свободе совести и религии.

Многие дела, в которых Комитет установил нарушения статьи 26, были связаны с дискриминацией женщин по признаку пола или по гендерным основаниям. Однако следует отметить, что в статье 3 Пакта содержится отдельное положение о равном для мужчин и женщин праве пользования всеми правами, предусмотренными в Пакте. В Замечании общего порядка № 28 (68), принятом Комитетом в 2000 году¹⁴, предусматривается, что большинство прав, закрепленных в Пакте, следует толковать с учетом гендерного аспекта. Нарушение статьи 3, в сочетании со статьей 26 и пунктом 1 статьи 14 было установлено в деле *Грасиела Ато дель Авельяналь против Перу* (Сообщение № 202/1986), в котором речь шла о неспособности замужней женщины представлять принадлежащую ей собственность в судах¹⁵. В деле *Лавлейс против Канады*, которое приводится в разделе о меньшинствах, было установлено нарушение статьи 27 в связи с дискриминацией по признаку пола или гендера.

Тема равенства и недискриминации проходит через весь Пакт. Помимо статей 3 и 26, она прямо упоминается в общем положении об обязанностях государства из пункта 1 статьи 2, в ограничительном положении из статьи 4,

---

¹¹ *Выше* (прим. 4), пункт 10.

¹² См. пункт 6.2 Замечания общего порядка № 23(50), которое приводится в UN doc. HRI/GEN/1/ Rev.5, сс. 147-150.

¹³ Ср. с делом *Флимменос против Греции*, в котором Европейский Суд по правам человека постановил, что право не подвергаться дискриминации также нарушается, когда государства без объективных и разумных оснований не проявляют дифференцированного отношения к лицам, чьи ситуации существенно различаются. Европейский Суд по правам человека, решение от 6 апреля 2000 года, пункт 44.

¹⁴ UN doc. HRI/GEN/1/Rev.5, сс. 168-174.

¹⁵ *Грасиела Ато дель Авельяналь против Перу* (Сообщение № 202/1986), Соображения, принятые 28 октября 1988 года, Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/44/40), сс. 196-199.

Дискриминация

в общем положении о справедливом судебном разбирательстве из пункта 1 статьи 14, а также в статьях 20, 23, 24 и 25.

36. СООБЩЕНИЕ № 35/1978, ШИРИН АУМЕЕРУДДИ-ЧИФФРА И ДРУГИЕ ПРОТИВ МАВРИКИЯ

Доклад Комитета по правам человека, GAOR, тридцать шестая сессия, Дополнение № 40 (A/36/40), сс. 134-142. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 2 мая 1978 года

Соображения приняты: 9 апреля 1981 года (двенадцатая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1.1. Авторы сообщения [Ширин Аумеерудди-Чиффра и 19 маврикийских женщин] [...] утверждают, что принятие закона об иммиграции (поправка) 1977 года и закона о депортации (поправка) 1977 года Маврикием представляет собой дискриминацию по признаку пола в отношении маврикийских женщин, нарушение права на создание семьи и семейного очага, а также лишение судебной защиты в нарушение статей 2, 3, 4, 17, 23, 25 и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Авторы утверждают, что они являются жертвами предполагаемых нарушений. Они заявляют, что все внутренние средства правовой защиты были ими исчерпаны.

1.2. Авторы указывают, что до принятия вышеупомянутых законов мужчины и женщины-иностранцы, вступавшие в брак с гражданами Маврикия, имели равный статус проживания, т.е. в результате заключения брака супруги обоих полов иностранного происхождения имели гарантированное законом право проживать в данной стране вместе со своими маврикийскими мужьями и женами. Авторы утверждают, что в соответствии с новыми законами Маврикия мужья маврикийских женщин – граждане других стран – утратили свой статус проживания на Маврикии и должны подавать заявление на получение “разрешения на проживание”, в котором им может быть отказано или которое может быть в любое время прервано министром внутренних дел. В то же время новые законы не затрагивают статус иностранных женщин, выходящих замуж за маврикийцев; за ними сохраняется их законное право на проживание в стране. Авторы далее утверждают, что согласно новым законам иностранцы, состоящие в браке с маврикийскими женщинами, могут быть подвергнуты депортации на основании указания со стороны министерства, которое не подлежит обжалованию в судебных органах.

[...]

4. 24 апреля 1979 года Комитет по правам человека [...] постановил: (а) что данное сообщение является приемлемым; [...]

[...]

7.1. Комитет по правам человека основывает свои мнения на следующих фактах, которые являются неоспоримыми:

7.2. До 1977 года супруги (мужья и жены) маврикийских граждан имели право свободного доступа на Маврикий и пользовались иммунитетом от депортации. Они имели право считаться *де-факто* жителями Маврикия. Вступление в силу закона об иммиграции (поправка) 1977 года и закона о депортации (поправка) 1977 года оставляло эти права только за женами маврикийских граждан. Мужья-иностранцы должны обращаться к министру внутренних дел за разрешением на проживание, и в случае отказа в таком разрешении они не имеют возможности оспаривать такое решение в суде.

7.3. Из числа авторов письма семнадцать являются незамужними. Трое из авторов находились замужем за мужьями-иностранцами, когда из-за вступления в силу закона об иммиграции (поправка) 1977 года их мужья утратили свой статус жителей Маврикия, которым они обладали ранее. Их последующее проживание вместе со своими супругами на Маврикий регулируется согласно вышеупомянутому закону ограниченным временным разрешением на проживание, которое выдается в соответствии с разделом 9 закона об иммиграции (поправка) 1977 года. Выдача такого разрешения на проживание определяется указанными условиями, которые могут быть в любое время изменены или отменены решением министра внутренних дел, которое не подлежит обжалованию. Кроме того, закон о депортации (поправка) 1977 года создает для мужей-иностранцев постоянную опасность быть подвергнутыми высылке из Маврикия.

7.4. Что касается случая г-жи Аумеерудди-Чиффра, одной из трех состоящих в браке авторов письма, более трех лет прошло с тех пор, как ее муж обратился к маврикийским властям за разрешением на проживание, однако до сих пор не было принято никакого официального решения. Если по ходатайству ее мужа будет вынесено отрицательное решение, она должна будет сделать выбор: либо проживать со своим мужем за границей и отказаться от политической карьеры, либо проживать отдельно от мужа на Маврикийи и продолжать участвовать в ведении государственных дел этой страны.

8.1. В свете этих фактов Комитету следует рассмотреть вопрос о том, были ли какие-либо права, изложенные в Пакте о гражданских и политических правах, нарушены Маврикием в отношении авторов сообщения в результате принятия и применения двух указанных законов. Комитету следует принять решение о том, нарушают ли эти два закона, в результате которых только мужья-иностранцы маврикийских женщин в отличие от жен-иностранок маврикийских мужчин обязаны обращаться за разрешением на проживание, с тем чтобы пользоваться такими же правами, как и до принятия этих законов, а также в результате которых только мужья-иностранцы подвергаются возможности депортации, какие-либо из прав, изложенных в Пакте, и могут ли авторы сообщения утверждать, что они являются жертвами такого нарушения.

8.2. В соответствии со статьей 1 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах Комитет уполномочен только рассматривать сообщения, касающиеся частных лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушений любого из прав, изложенных в Пакте.

9.1. В основе мнений Комитета по правам человека лежат следующие соображения:

9.2. Прежде всего, необходимо провести разграничение между двумя группами авторов данного сообщения. Лицо может заявлять о том, что оно является жертвой нарушения в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола только в том случае, если его или ее права фактически нарушены. Таким образом, вопрос заключается в том, насколько конкретно должно учитываться данное требование. Однако ни одно лицо не может абстрактно, путем *actio popularis*, заявлять о том, что закон или практика противоречат Пакту. Если закон или практика пока не были конкретно применены в ущерб данному лицу, они должны в любом случае применяться таким образом, чтобы возможность понести ущерб была бы для предполагаемой жертвы более чем просто теоретической.

9.2 (а) В этом отношении Комитет отмечает, что в случае семнадцати незамужних авторов данного сообщения фактическое вмешательство или отсутствие равной защиты любой семьи со стороны закона не имеет места. Более того, нет никаких доказательств того, что кто-либо из них фактически подвергся опасности быть ущемленным при осуществлении этого или любых других прав, предусмотренных в Пакте, на основе законов, в отношении которых они представили жалобы. В частности, нельзя утверждать, что эти законы ущемили их право на вступление в брак в соответствии со статьей 23(2) или право равенства супругов в соответствии со статьей 23(4).

9.2 (b) 1. Затем Комитет рассмотрит ту часть сообщения, которая касается воздействия законов 1977 года на семейную жизнь трех замужних женщин.

9.2 (b) 2. Комитет отмечает, что в этом отношении некоторые положения Пакта являются применимыми. В силу причин, которые будут изложены ниже, нет сомнений в том, что данные законы оказывают воздействие на их положение, даже несмотря на отсутствие каких-либо конкретных мер по осуществлению этих законов (например, отказа в праве на жительство или приказа о депортации, касающегося одного из их мужей). Их заявление о том, что они являются “жертвами” в смысле положений Факультативного протокола, должно быть изучено.

9.2 (b) 2 (i) 1. Во-первых, их взаимоотношения со своими мужьями совершенно очевидно относятся к области “семейной” жизни, как определено статьей 17(1) Пакта. Таким образом, они обеспечиваются защитой от посягательств в этом отношении, которые в данной статье именуются “произвольным или незаконным вмешательством”.

9.2 (b) 2 (i) 2. Комитет придерживается мнения о том, что совместное проживание мужа и жены следует расценивать как нормальный образ жизни семьи. Поэтому высылка лица из страны, где проживают его близкие родственники, может расцениваться как вмешательство в соответствии со статьей 17, что признает и государство-участник. В принципе статья 17(1) применяется также и в тех случаях, когда один из супругов является иностранцем. Таким образом, вопрос о том, является ли существование или применение законов об иммиграции, затрагивающих права членов семьи на проживание, совместимым с Пактом, за-

висит от того, насколько такое вмешательство является “произвольным или незаконным”, как гласит статья 17(1), или каким-либо иным образом противоречит обязательствам государства-участника в соответствии с Пактом.

9.2 (b) 2 (i) 3. В данных случаях не только возможность будущей депортации, но и существующее неопределенное положение в плане проживания мужа-иностранца на Маврикии представляет, по мнению Комитета, вмешательство властей государства-участника в семейную жизнь маврикийских женщин и их мужей. Упомянутые законы создают для указанных семей неопределенность в отношении того, смогут ли они и насколько долго продолжать свою семейную жизнь, совместно проживая на Маврикии. Более того, как указано выше (пункт 7.4), в одном из случаев даже отсрочку на многие годы и отсутствие позитивного решения в отношении выдачи разрешения на жительство следует рассматривать как значительное неудобство по ряду причин и, в частности, потому, что получение разрешения на работу и, следовательно, возможность для мужа участвовать в обеспечении своей семьи зависит от получения разрешения на жительство, а также в силу того, что депортация, которая не подлежит обжалованию в судебных органах, может произойти в любой момент.

9.2 (b) 2 (i) 4. Однако, поскольку такое положение дел вытекает из законодательства, не может быть и речи о том, чтобы в данных случаях рассматривать такое вмешательство как “незаконное” в соответствии со статьей 17 (1). Остается рассмотреть вопрос о том, является ли оно “произвольным” или противоречит Пакту каким-либо другим образом.

9.2 (b) 2 (i) 5. Защита, которой должны быть обеспечены индивиды в этом отношении, подпадает под принцип равенства полов, который вытекает из нескольких положений Пакта. В соответствии со статьей 2(1) обязательства государств-участников заключаются в целом в том, чтобы уважать и обеспечивать права, предусмотренные в Пакте, “без какого бы то ни было различия, как-то в отношении ... пола” и, более конкретно, в соответствии со статьей 3 “обеспечить равные для мужчин и женщин права пользоваться” всеми этими правами, а также в соответствии со статьей 26 обеспечить “без всякой дискриминации” права на “равную защиту закона”.

9.2 (b) 2 (i) 6. Авторы сообщения, которые вышли замуж за иностранных граждан, страдают от негативных последствий упомянутых выше законов только в силу того, что они являются женщинами. Неопределенное положение их мужей в плане пребывания в стране, которое, как указывалось, неблагоприятно влияет на их семейную жизнь, является следствием законов 1977 года, в которых не предусмотрено применение таких же мер в отношении жен-иностранок. В этой связи Комитет отметил, что статья 16 Конституции Маврикия не определяет пол в качестве признака, на основе которого запрещается дискриминация.

9.2 (b) 2 (i) 7. В таких обстоятельствах перед Комитетом не стоит задача решить вопрос о том, насколько далеко в рассматриваемых случаях подобные или другие ограничения в отношении проживания иностранных супругов могут противоречить Пакту, если они применяются без дискриминации по какому бы то ни было признаку.

9.2 (b) 2 (i) 8. Комитет считает, что нет необходимости определять, следует ли именовать существующую дискриминацию “произвольным” вмешательством в семейную жизнь согласно статье 17. Речь в данном случае не идет о том, можно ли оправдать конкретное вмешательство в силу того, что оно применяется без дискриминации. В тех случаях, когда права, гарантируемые Пактом, ограничиваются, это должно делаться без дискриминации по признаку пола. В данном случае вопрос о том, было ли такое ограничение само по себе, если рассматривать его самостоятельно, нарушением такого права, не является решающим. Суть дела заключается в том, чтобы обеспечить пользование всеми правами без всякой дискриминации. Поэтому в данном случае достаточно отметить, что в существующих обстоятельствах имеет место разграничение по признаку пола, которое препятствует предполагаемым жертвам пользоваться одним из своих прав. Никакого удовлетворительного оправдания такому разграничению быть не может. Таким образом, Комитет вынужден сделать вывод о том, что имеет место нарушение статей 2(1) и 3 Пакта, рассматриваемых совместно со статьей 17(1).

9.2 (b) 2 (ii) 1. В то же время каждая из упомянутых супружеских пар представляет собой “семью” по смыслу статьи 23(1) Пакта и, по крайней мере, в одном случае, а именно в случае г-жи Аумеерудди-Чиффра, в такой семье есть ребенок. Таким образом, как таковая она “имеет право на защиту со стороны общества и государства”, как предписывается данной статьей, где не дается дальнейшего определения такой защиты. Комитет придерживается мнения о том, что правовая защита или меры защиты, которые может предоставить общество и государство семье, могут быть различными в разных странах и зависеть от различных социальных, экономических, политических и культурных условий и традиций.

9.2 (b) 2 (ii) 2. Однако принцип равенства полов применяется в соответствии со статьями 2(1), 3 и 26, из которых также непосредственное отношение к рассматриваемому случаю имеет статья 26, так как она конкретно касается “равной защиты закона”. Когда Пакт требует реальной защиты, как в случае со статьей 23, эти положения следует понимать, как предоставляющие равную защиту, т.е. защиту, исключающую дискриминацию, например, по признаку пола.

9.2 (b) 2 (ii) 3. Отсюда следует, что главный аргумент также должен основываться на том положении, что в соответствии с Пактом защита семьи не может различаться по признаку пола одного из супругов. Хотя в случае Маврикия можно оправдать желание ограничить доступ иностранцев на его территорию и их высылку по причинам безопасности, Комитет придерживается мнения о том, что законодательство, в соответствии с которым такие ограничения распространяются лишь на мужей-иностранцев маврикийских женщин, но не на жен-иностранок маврикийских мужчин, является дискриминационным по отношению к маврикийским женщинам и не может быть оправдано соображениями безопасности.

9.2 (b) 2 (ii) 4. Таким образом, Комитет полагает, что имеет место нарушение статей 2(1), 3 и 26 Пакта в связи с правом трех замужних авторов, которым они обладают на основании статьи 23(1).

9.2 (с) 1. Остается рассмотреть предполагаемое нарушение статьи 25 Пакта, которая предусматривает, что каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации, упоминаемой в статье 2 (в частности, по признаку пола), и без необоснованных ограничений, право и возможность принимать участие в ведении государственных дел, как то непосредственно определено в данной статье. В данном случае Комитет не призывает к рассмотрению каких-либо ограничений прав гражданина в соответствии со статьей 25. Речь скорее идет о том, что Пакту противоречит ограничение возможности, о которой идет речь, т.е. ограничение возможности осуществлять такое право *де-факто*.

9.2 (с) 2. Комитет считает, что ограничения, устанавливаемые законом в различных областях, могут на практике помешать гражданам осуществлять свои политические права, т.е. лишить их возможности сделать это такими способами, которые могут в определенных обстоятельствах противоречить цели статьи 25 или положениям Пакта, направленным против дискриминации, например, если такое вмешательство нарушает принцип равенства полов.

9.2 (с) 3. Однако у Комитета нет информации о том, что в представленных делах имели место перечисленные выше нарушения. Что касается г-жи Аумеерудди-Чиффра, которая активно участвует в политической жизни в качестве избранного члена законодательного собрания Маврикия, то ей не препятствовали в этом ни фактически, ни юридически. Справедливо, что предположительно она может оказаться вынужденной покинуть страну в результате вмешательства в ее семейную жизнь и, следовательно, потерять такую возможность, а также и другие блага, которые связаны с ее проживанием в стране. Соответствующие аспекты такого вмешательства были уже рассмотрены выше в связи со статьей 17 и другими соответствующими положениями. Гипотетические побочные эффекты, которые только что рассматривались, не являются основанием для какого-либо заключения о конкретном нарушении статьи 25 на данном этапе, на котором, как представляется, нет никаких конкретных элементов, требующих дополнительного рассмотрения в соответствии с данной статьей.

10.1. В связи с этим Комитет по правам человека, действуя в соответствии со статьей 5(4) Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, выражает мнение, что факты, изложенные в пункте 7 выше, вскрывают нарушения Пакта и, в частности, статей 2(1), 3 и 26 в связи со статьями 17(1) и 23(1) в отношении трех авторов, которые находятся в браке с иностранцами, поскольку вступление в силу закона об иммиграции (поправка) 1977 года и закона о депортации (поправка) 1977 года привело к дискриминации их по признаку пола.

10.2. Далее Комитет придерживается мнения о том, что какие-либо нарушения Пакта в отношении других положений не имели места.

10.3. По указанным выше (пункт 9а) причинам Комитет считает, что семнадцать незамужних авторов сообщения не могут в настоящее время заявлять о том, что они являются жертвами нарушений их прав в соответствии с Пактом.

11. В связи с этим Комитет выражает мнение, что государство-участник обязано исправить положения закона об иммиграции (поправка) 1977 года и закона о депортации (поправка) 1977 года в целях соблюдения своих обязательств в соответствии с Пактом, а также незамедлительно обеспечить средства правовой защиты жертвам установленных выше нарушений.

37. СООБЩЕНИЕ №.182/1984, Ф.Г. ЗВААН-ДЕ ВРИЕС ПРОТИВ НИДЕРЛАНДОВ

Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок вторая сессия, Дополнение № 40 (A/42/40), сс. 160-169. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 28 сентября 1984 года

Соображения приняты: 9 апреля 1987г. (двадцать девятая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения [...] является г-жа Ф.Г. Зваан-де Вриес, гражданка Нидерландов, проживающая в Амстердаме, Нидерланды, интересы которой в Комитете представляет г-н Д.Й. ван дер Вос, глава Отдела правовой помощи (Рехтскундине динст ФНВ), Амстердам.

2.1 Автор сообщения, 1943 года рождения, замужем за г-ном Звааном. С начала 1977 года по 9 февраля 1979 года она работала в качестве оператора ЭВМ. С этого момента она является безработной. В соответствии с Законом о безработице до 10 октября 1979 года она получала пособие по безработице. После этого автор сообщения неоднократно направляла прошения о продолжении выплаты ей пособия в соответствии с Законом о пособиях по безработице (ЗПБ). Муниципалитет города Амстердама отверг ее прошение на том основании, что она не отвечает необходимым требованиям для получения такого пособия, поскольку она замужем; отказ основан на статье 13 (1) Закона о пособиях по безработице (ЗПБ), которая не распространяется на мужчин, состоящих в браке.

2.2 Поэтому автор утверждает, что она является жертвой нарушения государством-участником статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая гласит, что все люди равны перед законом и имеют право на равную защиту закона без всякой дискриминации. Автор заявляет, что единственной причиной, по которой ей было отказано в пособии по безработице, является ее пол и семейное положение, и утверждает, что это представляет собой дискриминацию по смыслу статьи 26 Пакта.

2.3 Автор сообщения передавала это дело на рассмотрение компетентных внутренних органов. [...]

[...]

4.1 В своем представлении от 29 мая 1985 года государство-участник, в частности, подчеркнуло, что:

(а) “принцип, согласно которому элементы дискриминации в области осуществления права на социальное обеспечение должны быть устранены,

закреплен в статье 9 совместно со статьями 2 и 3 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах;

(b) правительство Королевства Нидерландов согласилось осуществлять этот принцип в соответствии с положениями Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. В соответствии с этими положениями государства-участники обязались принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенное полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав (пункт 1 статьи 2);

(c) этот процесс постепенного осуществления в максимальных пределах имеющихся ресурсов происходит в настоящее время в Нидерландах. Продолжающие существовать элементы дискриминации в области осуществления прав ликвидируются и постепенно исчезнут;

(d) Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах предусматривает свою собственную систему международного контроля за тем, как государства-участники выполняют свои обязательства. С этой целью государства-участники взяли на себя обязательство представлять Экономическому и Социальному Совету доклады о принятых ими мерах и достигнутом ими прогрессе. Правительство Королевства Нидерландов представило свой первый доклад в 1983 году”.

[...]

4.5 Государство-участник также подчеркнуло, что недавно в законодательство Нидерландов было внесено изменение, согласно которому был отменен пункт 1 статьи 13 Закона о пособиях по безработице (ЗПБ), который является предметом сообщения автора. Речь идет о Законе S 230 от 29 апреля 1985 года, который имел обратную силу до 23 декабря 1984 года.

[...]

6.1 Прежде чем рассматривать какие-либо заявления, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека, согласно правилу 87 временных правил процедуры, должен принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым или неприемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 В соответствии с пунктом 2 (а) статьи 5 Факультативного протокола Комитету не разрешается рассматривать сообщение, если этот же вопрос рассматривается в рамках другой процедуры международного разбирательства или урегулирования. В этой связи Комитет отмечает, что рассмотрение национальных докладов, представляемых в соответствии со статьей 16 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, не является на основании пункта 2 (а) статьи 5 рассмотрением “этого же вопроса” применительно к жалобе, представляемой каким-либо лицом в Комитет по правам человека в соответствии с Факультативным протоколом.

6.3 Комитет далее отмечает, что жалоба, представленная в соответствии с Факультативным протоколом в отношении предполагаемого нарушения ка-

кого-либо положения Международного пакта о гражданских и политических правах, не обязательно является несовместимой с положениями этого Пакта (см. статью 3 Факультативного протокола) на том основании, что факты также касаются права, охраняемого в соответствии с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах или каким-либо другим международным документом. Тем не менее следовало проверить, подтверждается ли фактами предполагаемое нарушение права, охраняемого в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах.

6.4 В соответствии с пунктом 2 (b) статьи 5 Факультативного протокола Комитету не разрешается рассматривать сообщения, если не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Стороны в настоящем сообщении согласны, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

[...]

7. В этой связи Комитет по правам человека 23 июля 1984 года постановил считать данное сообщение приемлемым. [...]

8.1 В своем представлении от 14 января 1986 года, сделанном в соответствии со статьей 4 (2) Факультативного протокола, государство-участник снова возразило против приемлемости настоящего сообщения, вновь высказав свои аргументы, изложенные в его представлении от 29 мая 1985 года.

8.2 При рассмотрении существа дела государство-участник сначала излагает фактическую сторону дела следующим образом:

“Когда г-жа Зваан ходатайствовала в октябре 1979 года о получении пособия в соответствии с ЗПБ, то положения подраздела 1 (1) раздела 13 все еще имели силу. Этот раздел предписывал, что на данное пособие не могут претендовать те замужние женщины, которые не являются кормильцами либо проживают постоянно со своими мужьями. Понятие “кормилец” в том смысле, в каком оно используется в подразделе 1 (1) раздела 13 ЗПБ, имело особое значение и получило еще более широкое толкование в исполнительных документах, основанных на Законе [...]. Объявление замужней женщины кормильцем зависит, в числе прочего, от абсолютного размера общего дохода семьи, а также от вклада жены в этот доход. Тот факт, что условия предоставления пособия, содержащиеся в подразделе 1 (1) раздела 13 ЗПБ, применялись только к замужним женщинам, а не к женатым мужчинам, объясняется тем, что данное положение соответствовало преобладававшему в то время в обществе в целом мнению относительно роли мужчины и женщины в семье и обществе. Фактически все состоявшие в браке и имеющие работу мужчины могут считаться кормильцами своих семей, в связи с чем не представлялось необходимым проверять, отвечают ли они этому критерию для получения пособия по безработице, когда они становятся безработными. В последние годы это мнение постепенно претерпело изменения. [...]

Нидерланды являются государством-членом Европейского экономического сообщества (ЕЭС). 19 декабря 1978 года Совет ЕЭС издал директиву о постепенном осуществлении принципа равноправия мужчин и женщин в

области социального обеспечения (79/7/ЕЭС), обязав государства-участники в течение шести лет до 23 декабря 1984 года внести в законодательство поправки, которые могут оказаться необходимыми для приведения в соответствие законодательства с данной директивой. В соответствии с этой директивой правительство Нидерландов рассмотрело условия предоставления пособия, о которых говорится в подразделе 1 (1) раздела 13 ЗПБ, в свете указанного принципа и в связи с изменением роли мужчин и женщин в обществе, которое имело место примерно после 1960 года.

Поскольку в начале 80-х годов уже нельзя было более допускать, чтобы женатые и работающие мужчины всегда рассматривались в качестве “кормильцев”, то Нидерланды внесли поправку в подраздел 1 (1) раздела 13 ЗПБ, с тем, чтобы привести в соответствие свои обязательства с директивой ЕЭС. Эта поправка состояла в упразднении подраздела 1 (1) раздела 13, в результате чего замужние женщины, не являющиеся кормильцами, получили возможность требовать пособия в соответствии с положениями ЗПБ; в то же время возраст лиц, которым предоставляются пособия, был ограничен 35 годами”. [...]

8.3 В отношении сферы действия статьи 26 Пакта государство-участник утверждает [...], что [...] ссылка на статью 26 МПГПП может делаться лишь в рамках Факультативного протокола к МПГПП в сфере гражданских и политических прав. [...]

Жалоба, поданная в рассматриваемом случае, касается обязательств в области социального обеспечения, охватываемых Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах. [...] МПЭСКП имеет свою собственную специфическую систему и орган для международного контроля за соблюдением государствами-участниками своих обязательств. В Пакт намеренно не включены положения о процедуре подачи индивидуальных жалоб.

Правительство считает несовместимой с целями как МПЭСКП, так и МПГПП и Факультативного протокола к нему возможность рассмотрения Комитетом по правам человека индивидуальной жалобы, касающейся права на социальное обеспечение, согласно статье 9 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, путем приравнивания ее к индивидуальной жалобе в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах, основанной на статье 26 МПГПП.

[...]

8.4 [...] Государство-участник считает, что, благодаря концепции “кормильца”, достигнута “надлежащая сбалансированность между ограниченными ресурсами общественных фондов [...] с одной стороны, и обязанностью правительства в отношении социального обеспечения, с другой. Правительство не согласно с тем, что концепция “кормильца” как таковая является “дискриминационной” в том отношении, что одинаковые случаи трактуются правом по-разному”. Кроме того, утверждается, что положения ЗПБ “основаны на разумных социально-экономи-

ческих соображениях, не имеющих дискриминационного характера. Ограничения данного положения, исключаящие возможность его применения в отношении мужчины, основаны не на желании провести разделение, выгодное для мужчин и дискриминационное для женщин, а на *фактической* социально-экономической ситуации, существовавшей во время принятия Закона и делавшей бессмысленным предусматривать применение этого положения в отношении мужчин. Во время подачи г-жой Зваан заявления о выплате пособий по безработице эта *фактическая* ситуация по существу не изменилась. Таким образом, статья 26 МПГПП нарушена не была. Этого не меняет тот факт, что в последние годы в стране укрепляется новая социальная тенденция, делающая нежелательным сохранение в силе данного положения в нынешних социальных условиях”.

[...]

10. Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение, принимая во внимание всю информацию, представленную ему сторонами, как это предусмотрено статьей 5 (1) Факультативного протокола. Обстоятельства данного дела не оспариваются.

[...]

12.1 Государство-участник заявляет, что положения статьи 26 и положения статьи 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах в значительной мере дублируют друг друга. Комитет считает, что Международный пакт о гражданских и политических правах действует даже в том случае, если отдельные вопросы упоминаются или рассматриваются в других международных документах, например, в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин или, как в данном случае, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. Несмотря на взаимосвязанную историю подготовки двух Пактов, Комитету все же необходимо в полной мере применять положения Международного пакта о гражданских и политических правах. Комитет в этой связи отмечает, что положения статьи 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах отнюдь не препятствует применению в полной мере статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

12.2 Комитет также рассмотрел утверждение государства-участника о том, что нельзя делать ссылку на статью 26 Международного пакта о гражданских и политических правах в отношении права, конкретно предусмотренного статьей 9 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (социальное обеспечение, включая социальное страхование). При этом Комитет изучил соответствующие подготовительные документы к Международному пакту о гражданских и политических правах, в частности краткие отчеты о дискуссиях, проведенных в Комиссии по правам человека в 1948, 1949, 1950 и 1952 годах, а также в Третьем комитете Генеральной Ассамблеи в 1961

году, которая предоставляет “дополнительные средства толкования” (статья 32 Венской конвенции о праве международных договоров). Дискуссии, проведенные в момент составления проекта, касающиеся вопроса о том, распространяется ли действие статьи 26 на права, которые иным образом не гарантируются Конвенцией, являются неубедительными и не могут изменить выводов, сделанных с помощью обычных средств толкования [...].

12.3 С целью определения сферы действия статьи 26 Комитет принял во внимание “обычное значение” каждого элемента статьи в ее контексте и в свете ее объекта и цели (статья 31 Венской конвенции о праве международных договоров). Комитет прежде всего отмечает, что статья 26 не просто дублирует гарантии, уже предусмотренные статьей 2. В ее основе лежит принцип равной защиты закона без какой бы то ни было дискриминации, как это предусмотрено статьей 7 Всеобщей декларации прав человека, запрещающей дискриминацию по закону или на практике в любой области, регулируемой и охраняемой государственными органами. Таким образом, статья 26 касается обязательств государств в отношении их законодательства и его применения.

12.4 Хотя статья 26 требует, чтобы закон запрещал дискриминацию, в ней самой не содержится какого-либо обязательства в отношении вопросов, которые могут быть предусмотрены законодательством. Так, например, она не требует, чтобы какое-либо государство вводило в действие законодательство о социальном обеспечении. Однако когда такое законодательство принимается в осуществление суверенных прав государства, оно не должно противоречить статье 26 Пакта.

12.5 Комитет в этой связи отмечает, что речь идет не о том, следует ли постепенно создавать в Нидерландах систему социального обеспечения или нет, а о том, нарушает ли законодательство, касающееся социального обеспечения, запрещение дискриминации, содержащееся в статье 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, и предусмотренные в ней гарантии для всех лиц в отношении равенства перед законом и права на равную и эффективную защиту против дискриминации.

13. Право на равенство перед законом и на равную защиту закона без всякой дискриминации не означает, что любые различия в обращении являются дискриминационными. Дифференциация, основанная на разумных и объективных критериях, не равнозначна запрещенной дискриминации по смыслу статьи 26.

14. Поэтому Комитету остается определить, представляет ли собой дискриминацию по смыслу статьи 26 дифференциация в законодательстве Нидерландов, которая в свое время была применена в деле г-жи Зваан-де Вриес. Комитет отмечает, что в законодательстве Нидерландов положения статей 84 и 85 Гражданского кодекса предусматривают равные права и обязанности обоих супругов в отношении их совместных доходов. В соответствии с пунктом 1 подраздела 1 раздела 13 Закона о пособиях по безработице (ЗПБ) замужняя женщина для получения такого пособия должна доказать, что она является “кормильцем” – усло-

вие, которое не действует в отношении женатого мужчины. Таким образом, дифференциация, которая кажется дифференциацией по статусу, фактически является дифференциацией по признаку пола и ставит замужних женщин в невыгодное положение по сравнению с женатыми мужчинами. Такая дифференциация не является разумной; причем это, как представляется, было фактически признано даже государством-участником, которое 29 апреля 1985 года внесло в Закон изменения, имеющие обратную силу до 23 декабря 1984 года [...].

15. Обстоятельства, в которых г-жа Зваан-де Вриес оказалась в указанное время, и применение действовавшего тогда законодательства Нидерландов сделали ее жертвой нарушения по признаку пола упомянутой статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку ей было отказано в праве на социальное обеспечение на равноправной основе с мужчинами.

16. Комитет с удовлетворением отмечает, что государство-участник не имело намерения осуществлять дискриминацию в отношении женщин, и далее отмечает, что дискриминационные положения в законе, который применили к г-же Зваан-де Вриес, впоследствии были упразднены. Хотя государство-участник таким образом приняло необходимые меры, чтобы положить конец такого рода дискриминации, от которой пострадала г-жа Зваан-де Вриес в момент подачи жалобы, Комитет считает, что государство-участник должно предоставить г-же Зваан-де Вриес соответствующее средство правовой защиты.

38. СООБЩЕНИЕ № 191/1985, КАРЛ ХЕНРИК БЛОМ ПРОТИВ ШВЕЦИИ

Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок третья сессия, Дополнение № 40 (A/43/40), сс. 211-217. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 5 июля 1985 года

Соображения приняты: 4 апреля 1988 года (тридцать вторая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является [...] Карл Хенрик Блом, шведский гражданин, 1964 года рождения. Его представляет адвокат. Автор утверждает, что он является жертвой нарушений властями Швеции статей 2(3) и 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также статей 3 (с) и 5 (b) Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 года. Имеется также ссылка на статью 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

2.1 В течение 1981/82 учебного года автор посещал десятый класс частной школы имени Рудольфа Штейнера в Гётеборге. Согласно Декрету № 418 об оказании материальной помощи при получении образования, принятому правительством Швеции в 1973 году, учащийся независимой частной школы имеет право на государственную помощь лишь в том случае, если он проходит программу обучения, находящуюся, согласно указанному Декрету, под государственным надзором на основании правительственного решения. Правитель-

ственное решение принимается после консультации с Национальным советом по вопросам образования и местными школьными властями.

2.2 Автор заявляет, что школа имени Рудольфа Штейнера 15 октября 1981 года представила заявление о том, чтобы на нее был распространен государственный надзор, имея в виду десятый класс и выше (младшие классы уже были включены в эту категорию). После того, как местные школьные власти и Национальный совет дали свое положительное заключение, 17 июня 1982 года было принято решение о распространении государственного надзора на десятый класс и выше, которое должно было вступить в силу с 1 июля 1982 года, т.е. с 1982/83 учебного года, а не с осени 1981 года, как просила школа.

2.3 6 июня 1984 года автор обратился за государственной финансовой помощью в размере 2 250 шведских крон на 1981/82 учебный год. Решением от 5 ноября 1984 года его заявление было отклонено Национальным советом по вопросам помощи при получении образования на том основании, что школа не находилась под государственным надзором в течение указанного учебного года. Автор утверждает, что это решение нарушает положения международных договоров, на которые он ссылается. Он заявляет, что подача апелляции по этому решению “была запрещена”. Считая, однако, что решение Национального совета по вопросам помощи при получении образования попирает его права, предусмотренные в Конвенции ЮНЕСКО 1960 года, автор предъявил в начале 1985 года министру юстиции (*Justiekanslern*) иск о компенсации. В своем решении от 14 февраля 1985 года министр юстиции заявил, что решение Национального совета по вопросам помощи при получении образования соответствует действующему национальному законодательству и не дает основания для возбуждения иска об ответственности государства. [...] В заключение министр указал, что г-н Блом имеет право возбудить дело в суде. Однако министр подчеркнул, что суды обязаны применять шведские законы *ex officio*, в том числе соответствующие положения закона о возмещении ущерба, на который он ссылался.

2.4 На основании решения министра автор пришел к заключению, что не имеет какого-либо смысла начинать судебный процесс против государства. Следовательно, считает он, не существует никаких других внутренних средств правовой защиты, к которым можно было бы прибегнуть. Он утверждает, что такое положение само по себе представляет собой нарушение статьи 2 (3) Пакта.

2.5 Утверждение автора о том, что решение отказать ему в предоставлении государственной помощи является нарушением статьи 26 Пакта, основано на доводе, что он подвергся дискриминации как учащийся частной школы. Сообщается, что учащиеся частных школ получали государственную помощь в 1981/82 учебном году. Такое дискриминационное отношение, как утверждается, противоречит основополагающей идее равенства для всех в области образования, а также является вмешательством в право родителей выбирать независимые частные школы, предусмотренное статьей 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и ста-

тьей 5 (1b) Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 года, участником которых является Швеция. Автор также утверждает, что он является жертвой нарушения статьи 3 (с) той же Конвенции.

[...]

4.1 В своем представлении от 8 января 1986 года государство-участник указывает, что Закон о школах 1962 года также признает наличие частных школ, не зависящих от системы государственных школ. В принципе, частные школы или местные органы власти юридически не обязаны предоставлять им какую-либо финансовую помощь. Однако для оказания различных форм государственной помощи нет никаких юридических препятствий, и на практике большинство частных школ в той или иной форме поддерживаются местными органами управления, а приблизительно половина из них (включая школу имени Рудольфа Штейнера) получает также и государственные дотации.

[...]

5.1 Что касается утверждений о нарушении Пакта о гражданских и политических правах, то государство-участник заявляет следующее:

“[...] Неравное обращение не составляет дискриминации в тех случаях, когда различие основано на объективных и разумных критериях. Ни статья 26, ни какое-либо другое положение Пакта не предусматривают обязательства обеспечивать государственную финансовую помощь учащимся. Поэтому государство может свободно решать вопрос об оказании такой помощи, а в том случае, если она оказывается, – устанавливать условия ее предоставления при том лишь ограничении, что решения государства не должны быть связаны с теми неоправданными основаниями, которые перечислены в статье 26”.

5.2 Далее государство-участник утверждает:

“что в отношении школ, как и в случае любого другого института или деятельности в рамках общества, государство имеет полное право до того, как предоставить той или иной школе или ее учащимся государственную финансовую помощь, рассмотреть вопрос о том, отвечает ли данная школа разумным требованиям качества и удовлетворяет ли она потребности общества или предполагаемого ученика. [...] Таковы – и на этот счет Бломом не было высказано какого-либо другого мнения – основания для требования о том, чтобы надзор за той или иной частной школой осуществлялся государством, для того чтобы ее учащиеся имели право на получение государственной финансовой помощи. Правительство полагает, что это не представляет собой дискриминации по смыслу статьи 26”.

5.3 [...] [П]равительство далее заявляет, что в этом плане сообщение Блома следует объявить неприемлемым в соответствии с положениями статьи 3 Факультативного протокола. Как на единственную “дискриминационную основу” якобы имевшего место нарушения статьи 26 Блом ссылается на то, что его решение посещать школу имени Рудольфа Штейнера было обусловлено

“религией, политическими или иными убеждениями”, которых придерживается он и его родители, и что неравное обращение в отношении государственной финансовой помощи было прямым следствием этого решения. [...] Суть утверждений Блома, судя по всему, заключается в том, что в силу его решения посещать данную школу по религиозным и политическим мотивам, а также в силу того, что государство (хотя и не по религиозным или политическим причинам) относилось к его частной школе не так, как к государственным школам, в отношении него была допущена дискриминация по признаку его религии и политических убеждений. По мнению правительства, необоснованность такого хода рассуждений настолько очевидна, что в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола данное сообщение следует признать неприемлемым”.

[...]

6.2 Автор оспаривает аргументы государства-участника относительно признака сообщения неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола, подчеркивая, что он ссылался на “признаки, перечисленные в статье 26 Пакта, касающиеся “всякого рода дискриминации”, в которой также говорится об “иных обстоятельствах”. В соответствии с этим, по каким бы причинам он и его одноклассники ни выбрали учебу в школе имени Рудольфа Штейнера, все они принадлежат в силу их выбора к отдельной группе... [и] такие “иные обстоятельства” ... очевидно, являются мотивом иного режима, введенного в отношении него в результате целенаправленной политики государства”.

[...]

7.1 Прежде чем рассматривать какие-либо заявления, содержащиеся в сообщении, Комитет по правам человека, согласно правилу 87 временных правил процедуры, должен принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым или неприемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

7.2 Что касается статьи 5 (2а) Факультативного протокола, то Комитет отметил, что дело Карла Хенрика Блома не рассматривается и не рассматривалось в соответствии с какой-либо иной процедурой международного разбирательства или урегулирования. Комитет отметил, что рассмотрение Европейской комиссией по правам человека заявлений, представленных другими учащимися этой же школы относительно других или аналогичных фактов, не являлось в формулировке 5 (2а) Факультативного протокола предметом рассмотрения этого же вопроса. Как утверждается в предыдущих решениях Комитета, понятие “один и тот же вопрос” в формулировке статьи 5 (2а) Факультативного протокола должно пониматься как включающее “одно и то же заявление, касающееся одного и того же лица, представленное этим лицом или каким-либо другим, которое имеет право выступать от его имени в других международных органах”. В связи с этим оговорка государства-участника в отношении вопросов, уже рассмотренных в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования, не применялась.

7.3 Что касается статьи 5 (2b) Факультативного протокола, то Комитет на основе имеющейся у него информации не мог сделать вывод о том, имеются ли в обстоятельствах настоящего дела юридические средства, которые можно или следовало бы использовать. В этой связи Комитет отметил, что государство-участник не оспаривало утверждения автора относительно того, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

7.4 Что касается утверждения государства-участника относительно того, что “необоснованность” аргументов автора делает это сообщение “неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола”, то Комитет отметил, что статья 3 Факультативного протокола предусматривает, что сообщения признаются неприемлемыми, если они являются: а) анонимными, б) представляют собой злоупотребление правом на представление заявления или с) являются несовместимыми с положениями Пакта. Комитет отметил, что автор приложил серьезные усилия, чтобы мотивировать свои утверждения, и что он сослался на конкретные положения Пакта. Поэтому Комитет постановил, что находящиеся на его рассмотрении вопросы, в частности сфера действия статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, должны быть рассмотрены по существу дела.

7.5 Комитет по правам человека отметил, что он может рассмотреть сообщение лишь в плане предполагаемого нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах.

[...]

8. Поэтому 9 апреля 1987 года Комитет постановил считать данное сообщение приемлемым в той степени, в какой оно касается предполагаемых нарушений Международного пакта о гражданских и политических правах [...].

9. Государство-участник [...] и автор [...] информировали Комитет о том, что они согласны на рассмотрение Комитетом настоящего дела по существу в его нынешнем состоянии.

[...]

10.2 Основным вопросом, находящимся на рассмотрении Комитета, заключается в том, является ли автор сообщения жертвой нарушения статьи 26 Пакта вследствие предполагаемого несоответствия шведских правил, регулирующих предоставление пособий на образование, положениям этой статьи. При решении вопроса о том, нарушило ли государство-участник положения статьи 26 или нет, отказав в предоставлении автору как учащемуся частной школы пособия на образование на 1981/82 учебный год, учитывая, что учащиеся государственных школ имели право на получение пособия на образование на этот период, Комитет использует в качестве обоснования своих выводов следующие соображения.

10.3 Система образования государства-участника предусматривает обучение как в частных, так и в государственных школах. Нельзя считать, что государство-участник действует дискриминационным образом, если в усло-

виях, когда государство не осуществляет надзор над системой частных школ, оно не предоставляет одинаковых пособий двум типам учебных заведений. Что же касается жалобы автора на то, что непредоставление государством-участником пособия на образование на 1981/82 учебный год является дискриминационной мерой, поскольку государство-участник не распространило ретроактивно свое решение от 17 июня 1982 года о передаче классов с 10 и старше под надзор государства, Комитет отмечает, что предоставление пособий зависело от фактического осуществления государством надзора; Комитет считает, что поскольку надзор государства не мог осуществляться до 1 июля 1982 года (см. пункт 2.2 выше), то, соответственно, нельзя было ожидать, что государство-участник предоставит пособие за какой-либо предшествующий период и что вопрос о дискриминации отпадает. С другой стороны, возникает вопрос, не было ли рассмотрение заявления о передаче школы имени Рудольфа Штейнера под надзор государства неоправданно долгим и не нарушает ли это какое-либо из содержащихся в Пакте прав автора сообщения. В этой связи Комитет отмечает, что анализ учебных планов школы по необходимости занимает определенное время по причине существования целого ряда факторов и не поддающихся учету причин, включая, например, необходимость ознакомления с консультативными заключениями ряда правительственных учреждений. В данном случае заявление школы было подано в октябре 1981 года, а решение принято восемь месяцами позже, в июне 1982 года. Подобный срок сам по себе не может рассматриваться как дискриминационный. Равным образом, автор сообщения не утверждает, что сроки рассмотрения носили дискриминационный характер.

11. Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные факты не подтверждают утверждения автора о том, что он является жертвой нарушения статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. В свете вышесказанного Комитет не считает необходимым выносить определение по утверждению автора о нарушении статьи 2 (3) Пакта.

39. СООБЩЕНИЕ № 196/1985, ИБРАГИМ ГЕЙЕ ПРОТИВ ФРАНЦИИ

Доклад Комитета по правам человека, GAOR, сорок четвертая сессия, Дополнение № 40 (A/44/40), сс. 189-195. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 12 октября 1985 года

Соображения приняты: 3 апреля 1989 года (тридцать пятая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1.1 Авторами сообщения [...] являются Ибрагим Гейе и 742 других вышедших в отставку сенегальских военнослужащих французской армии, проживающие в Сенегале. Они представлены адвокатом.

1.2 Авторы утверждают, что они являются жертвами нарушения Францией статьи 26 Пакта вследствие предполагаемой расовой дискриминации на основе французского законодательства, в котором предусмотрены различия при определении размера пенсии вышедших в отставку солдат сенегальской национальности, проходивших службу во французской армии до предоставления Сенегалу независимости в 1960 году и получающих пенсии меньшего размера по сравнению с вышедшими в отставку солдатами французской национальности.

1.3 Утверждается, что, согласно Закону № 51–561 от 18 мая 1951 года и Декрету № 51–590 от 23 мая 1951 года, вышедшие в отставку военнослужащие французской армии, будь то французы или сенегальцы, имели одинаковые права. Приобретенные права вышедших в отставку солдат-сенегальцев соблюдались после получения независимости в 1960 году до принятия Закона о финансах № 74.1129 от декабря 1974 года, предусматривающего различия в отношении сенегальцев. [...] Впоследствии размеры пенсии для сенегальцев были заморожены французским законодательством на уровне 1 января 1975 года.

1.4 Авторы заявляют, что вышеупомянутые законы были оспорены в Административном суде Пуатье, Франция, который 22 декабря 1980 года вынес решение в пользу солдата в отставке сенегальской национальности Диа Абдурахмана и постановил передать это дело министру финансов Франции в целях выплаты полной компенсации за период после 2 января 1975 года. Авторы прилагают аналогичное решение Государственного совета от 22 июня 1982 года по делу другого сенегальского солдата. Однако утверждается, что эти решения не были выполнены по причине принятия 31 декабря 1981 года нового французского Закона о финансах № 81.1179, имеющего обратную силу до 1 января 1975 года и, как утверждается, сводящего на нет любые дальнейшие ходатайства в судах или административных трибуналах Франции.

1.5 Что касается существа дела, то авторы отвергают доводы французских органов власти, которые, как утверждается, оправдывают различия в отношении к вышедшим в отставку солдатам-африканцам (не только сенегальцам) следующими причинами: а) утратой ими французской национальности после получения Сенегалом независимости; б) существующими у французских органов власти трудностями в установлении личности и семейного положения вышедших в отставку солдат в африканских странах; и с) различиями в экономических, финансовых и социальных условиях во Франции и ее бывших колониях.

[...]

3.1 В своем первоначальном представлении от 5 ноября 1986 года в соответствии с правилом 91 государство-участник [...] заявляет, что сообщение “неприемлемо, поскольку оно несовместимо с положениями Пакта (статья 3 Факультативного протокола) и, кроме того, не обосновано”, так как в нем главным образом речь идет о правах, не охватываемых Пактом (т.е. о правах на получение пенсии), а также в любом случае, поскольку оспариваемый закон не содержит каких-либо дискриминационных положений по смыслу статьи 26 Пакта.

3.2 В последующем представлении от 8 апреля 1987 года в соответствии с правилом 91 государство-участник приводит заявление французского правительства о ратификации Факультативного протокола 17 февраля 1984 года и заявляет, что сообщение неприемлемо *ratione temporis*: [...]

[...]

5.1 Прежде чем приступить к рассмотрению любых жалоб, содержащихся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 87 временных правил процедуры решить, является ли оно приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

5.2 Что касается заявления государства-участника о том, что сообщение неприемлемо в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола как несовместимое с Пактом, то Комитет напомнил, что он уже принял в отношении предыдущих сообщений (№№ 172/1984, 180/1984 и 182/1984) решение о том, что сфера действия статьи 26 Пакта позволяет рассматривать заявления о дискриминации даже в отношении прав на пенсионное обеспечение.

5.3 Комитет принял к сведению заявление государства-участника о том, что поскольку предполагаемые нарушения вызваны принятым в 1979 году Законом, то сообщение должно быть объявлено неприемлемым по той причине, что заявление толковательного характера, сделанное Францией после ратификации Факультативного протокола, не позволяет Комитету рассматривать предполагаемые нарушения, которые вытекают из действий или фактов, имевших место до 17 мая 1984 года, т.е. даты вступления в силу Факультативного протокола в отношении Франции. В этой связи Комитет отметил, что в ряде предыдущих дел (№№ 6/1977, 24/1977) им было заявлено, что он не может рассматривать какое-либо нарушение прав человека, якобы имевшее место до вступления в силу Пакта в отношении государства-участника, за исключением тех случаев, когда речь идет о нарушении, продолжавшемся после этой даты, либо последствия которого сами по себе являются нарушениями Пакта после этой даты. Заявление толковательного характера, сделанное Францией, подразумевает ограничение компетенции *ratione temporis* Комитета в отношении нарушений какого-либо из прав, закрепленных в Пакте, т.е. нарушений, которые вытекают из “действий, упущений, фактов или событий, имевших место после даты вступления в силу Протокола в отношении Франции”. Комитет считает, что он не вправе рассматривать вопрос о том, являлись ли авторы жертвами дискриминации в какое-либо время до 17 мая 1984 года; тем не менее он по-прежнему считает, что необходимо установить, имеют ли место нарушения Пакта после указанной даты вследствие действий или упущений, связанных с продолжающимся применением законов и решений, касающихся прав заявителей.

6. Поэтому 5 ноября 1987 года Комитет по правам человека постановил считать данное сообщение приемлемым.

7.1 В своем сообщении от 4 июня 1988 года, представленном в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Факультативного протокола, государство-участ-

ник [...] добавляет, что на сенегальцев, которые получили французское гражданство и которые сохранили его после обретения Сенегалом независимости, распространяется тот же режим выплаты пенсий, что и на других бывших военнослужащих французской армии. Кроме этого, в соответствии с пунктом 2 статьи 97 и пунктом 6 статьи 97 Кодекса о гражданстве любому иностранцу, который уже обладал французским гражданством, предоставляется возможность его повторного получения. [...]

7.2 Далее государство-участник поясняет, что любой бывший военнослужащий французской армии сенегальского происхождения, который утрачивает французское гражданство в результате обретения Сенегалом независимости и который повторно получает французское гражданство, вновь получает тем самым возможность пользоваться правами, предоставленными французским гражданам в соответствии с Кодексом о пенсиях [...]. Государство-участник делает вывод, что критерий гражданства является единственным основанием для применения различных режимов выплаты пенсий, на которые ссылались авторы.

[...]

9.1 Комитет по правам человека, рассмотрев настоящее сообщение в свете всей информации, полученной от сторон, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола, основывает свои соображения на следующих фактах, которые представляются неоспоримыми.

9.2 Авторами являются военнослужащие сенегальской национальности, которые служили во французской армии до обретения Сенегалом независимости в 1960 году. В соответствии с Кодексом о военных пенсиях 1951 года вышедшие в отставку военнослужащие французской армии, будь они французы или сенегальцы, пользовались одинаковыми правами. Права солдат-сенегальцев на получение пенсии являлись такими же, какими пользовались солдаты-французы до принятия в декабре 1974 года нового закона, предусматривающего различия в отношении военнослужащих-сенегальцев. В дальнейшем в соответствии с Законом № 79/1102 от 21 декабря 1979 года действие так называемого режима “кристаллизации” военных пенсий, который уже применяется с 1 января 1961 года в отношении граждан других соответствующих государств, было распространено на граждан четырех государств, ранее входивших в состав французского сообщества, включая Сенегал. Другие военнослужащие-сенегальцы, вышедшие на пенсию, пытались оспорить вышеупомянутые законы, однако французский Закон о финансах № 81.1179 от 31 декабря 1981 года, имеющий обратную силу до 1 января 1975 года, свел на нет любые дальнейшие ходатайства в судах Франции.

9.3 Основной вопрос, находящийся на рассмотрении Комитета, состоит в том, являются ли авторы жертвами дискриминации по смыслу статьи 26 Пакта и следует ли считать совместимым с положениями Пакта различный пенсионный режим в отношении бывших военнослужащих французской армии, предусмотренный Кодексом о военных пенсиях, в зависимости от того,

являются они французскими гражданами или нет. При решении этого вопроса Комитет принял во внимание следующие соображения.

9.4 Комитет принял к сведению утверждения авторов о том, что они подвергались дискриминации по признаку расы, то есть по одному из тех признаков, которые прямо перечислены в статье 26. Комитет считает, что какие-либо факты в подтверждение того, что государство-участник проводило в отношении авторов дискриминацию по признаку расы, отсутствуют. Однако остается установить, относится ли ситуация, в которой находились авторы, к сфере действия статьи 26. Комитет напоминает, что авторы в целом не подлежат французской юрисдикции, за исключением того, что при определении объема их пенсионных прав они опираются на французское законодательство. Он отмечает, что национальность как таковая не фигурирует среди запрещенных признаков дискриминации, перечисленных в статье 26, и что Пакт не предусматривает защиту права на пенсию как такового. Согласно статье 26 дискриминация в плане равной защиты закона запрещена по какому бы то ни было признаку, как-то: расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства. Было проведено различие по признаку национальности, приобретенной после получения независимости. По мнению Комитета, данный случай подпадает под выражение “иного обстоятельства” из второго предложения статьи 26. Комитет принимает во внимание, как и в случае сообщения № 182/1984, что “право на равенство перед законом и на равную защиту закона без какой бы то ни было дискриминации не придает любым различиям в правах дискриминационный характер. Дифференциация на основе разумных и объективных критериев не означает запрещенную дискриминацию по смыслу статьи 26”.

9.5 При определении того, основаны ли права авторов на разумных и объективных критериях, Комитет отмечает, что вопрос о назначении пенсии определяется не национальностью, а их службой в прошлом. Они служили во французских вооруженных силах на тех же условиях, что и французские граждане; в течение 14 лет после обретения Сенегалом независимости в плане пенсионных прав на них распространялся такой же режим, как и на французских сослуживцев, хотя они имели не французскую, а сенегальскую национальность. Последующее изменение национальности не может само по себе рассматриваться как достаточное основание для применения иного режима, так как основанием для начисления пенсии является та же служба, которую несли и они, и солдаты, сохранившие французское гражданство. Не могут также использоваться в качестве законного обоснования различия в экономических, финансовых и социальных условиях между Францией и Сенегалом. Если сравнить положение ушедших в отставку и проживающих в Сенегале солдат сенегальской национальности с положением ушедших в отставку солдат французской национальности в Сенегале, то окажется, что они живут в тех же экономических и социальных условиях. Тем не менее, в плане получения пенсии они будут

пользоваться разными правами. И, наконец, тот факт, что государство-участник заявляет, что оно больше не в состоянии заниматься установлением личности и семейного положения, с тем чтобы предотвратить злоупотребления в вопросе выплаты пенсий, не может оправдывать различий в предоставляемых правах. По мнению Комитета, чисто административные проблемы или возможности определенных злоупотреблений в плане пенсионных прав не могут оправдывать различия в правах. Комитет делает заключение, что различие в правах авторов не основано на разумных и объективных критериях и представляет собой дискриминацию, запрещенную Пактом.

10. Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что обстоятельства данного дела, имевшие место после 17 мая 1984 года (дата вступления Факультативного протокола в силу для Франции), свидетельствуют о нарушении статьи 26 Пакта.

11. Таким образом, Комитет считает, что в соответствии со статьей 2 Пакта государство-участник обязано принять эффективные меры по устранению нарушений, от которых пострадали соответствующие жертвы.

40. СООБЩЕНИЕ № 666/1995, ФРЕДЕРИК ФУЭН ПРОТИВ ФРАНЦИИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40 (A/55/40), сс. 30-40. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 20 июля 1995 года

Соображения приняты: 3 ноября 1999 года (шестьдесят седьмая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Фредерик Фуэн, французский гражданин, родившийся в сентябре 1966 года и проживающий в Валансе, Франция. Он утверждает, что является жертвой нарушения Францией статей 18, 19 и 26 в совокупности со статьей 8 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автора представляет г-н Франсуа Ру из адвокатской конторы “Ру, Лан-Шеймоль, Канизар” в Монпелье.

Факты в изложении автора

2.1 Автор, являющийся убежденным противником военной службы по соображениям совести, в декабре 1988 года был направлен для прохождения гражданской службы в национальный природный заповедник в Камарге. 23 декабря 1989 года, т.е. ровно через год, он покинул место своей службы, сославшись на якобы дискриминационный характер пункта 6 статьи 116 Кодекса национальной службы (*Code du service national*), согласно которому убежденные противники военной службы по соображениям совести должны в течение двух лет проходить национальную гражданскую службу, тогда как продолжительность военной службы не превышает одного года.

2.2 В результате совершенных им действий г-н Фуэн был обвинен уголовным судом (*Tribunal Correctionnel*) Марселя на основании статей 398 и 399 Кодекса военной юстиции в дезертирстве в мирное время. В заочном решении, принятом 12 октября 1990 года, были поставлены под сомнение убеждения автора, что послужило основанием для проведения 20 марта 1992 года нового слушания в суде, который приговорил его к восьми месяцам тюремного заключения условно и распорядился лишить его статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести (статья 116 (4) Кодекса национальной службы). Суд отклонил доводы автора, основанные, в частности, на положениях статей 4 (3) (b), 9, 10 и 14 Европейской конвенции о правах человека.

2.3 Данное решение суда было обжаловано как государственным прокурором (*Procureur de la République*), так и автором. На основании решения от 18 декабря 1992 года апелляционный суд Экс-ан-Прованса отменил решение от 20 марта 1992 года в связи с процессуальными нарушениями. Вместе с тем, исходя из конкретных обстоятельств дела апелляционный суд признал г-на Фуэна виновным в дезертирстве в мирное время и приговорил его к шестимесячному тюремному заключению условно.

2.4 14 декабря 1994 года кассационный суд отклонил повторную апелляцию автора. Суд постановил, что соответствующие положения Европейской конвенции о правах человека и Международного пакта о гражданских и политических правах не запрещают принятия мер, требующих от лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, прохождения более длительного срока национальной службы по сравнению с лицами, проходящими военную службу, при условии, что это не затрагивает соблюдения или осуществления их основных прав и свобод.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что статья 116 (6) Кодекса национальной службы (в редакции от июля 1983 года, в которой предписывается 24-месячный срок гражданской службы) нарушает статьи 18, 19 и 26 в совокупности со статьей 8 Пакта в том плане, что она удваивает срок альтернативной гражданской службы по сравнению со сроком военной службы.

3.2 Признавая соображения Комитета относительно сообщения № 295/1988 [*Ярвинен против Финляндии*, Соображения приняты 25 июля 1990 года], когда применительно к аналогичному случаю было вынесено определение, что продление срока альтернативной службы по сравнению с военной службой не является необоснованным и не носит карательного характера и когда не было выявлено никакого нарушения Пакта, автор все же ссылается на прилагаемые к этим соображениям особые мнения трех членов Комитета, которые пришли к заключению, что в основе оспариваемого законодательства не лежат обоснованные или объективные критерии, такие, как более тяжелые условия службы или необходимость специальной подготовки, обуславливающие большую продолжительность службы. Автор разделяет выводы, содержащиеся в этих особых мнениях.

3.3 Автор отмечает, что, согласно статьям L.116 (2) - L.116 (4) Кодекса национальной службы, каждое ходатайство о признании лица в качестве отказавшегося от военной службы по соображениям совести подлежит утверждению министром обороны. Если он отклоняет ходатайство, то имеется возможность подать апелляцию в административный трибунал на основании статьи L.116 (3). В подобных обстоятельствах, по утверждению автора, нельзя предположить, что продолжительность гражданской службы устанавливается по соображениям административной надобности, поскольку, если человек соглашается на прохождение гражданской службы, срок которой в два раза превышает срок военной службы, он должен рассматриваться как имеющий глубокие убеждения. Скорее нужно исходить из того, что продление срока гражданской службы заключает в себе карательный элемент, не подкрепляемый каким-либо обоснованным или объективным критерием.

3.4 В обоснование своего утверждения автор ссылается на решение итальянского Конституционного суда от июля 1989 года, согласно которому гражданская служба, продолжительность которой на восемь месяцев превышает срок военной службы, несовместима с итальянской Конституцией. Он далее указывает на резолюцию, принятую Европейским парламентом в 1967 году, в которой парламент на основании статьи 9 Европейской конвенции о правах человека рекомендует, чтобы продолжительность альтернативной службы не превышала продолжительность военной службы. Кроме того, Комитет министров Совета Европы заявил, что альтернативная служба не должна носить карательного характера и что ее продолжительность по сравнению с военной службой должна оставаться в разумных пределах (Рекомендация № R(87) 8 от 9 апреля 1987 года). Наконец, автор отмечает, что в резолюции, принятой 5 марта 1987 года, Комиссия Организации Объединенных Наций по правам человека заявила, что отказ от военной службы по соображениям совести представляет собой законный способ осуществления признаваемого Пактом права на свободу мысли, совести и религии.

3.5 В любом случае, согласно утверждениям автора, требование прохождения гражданской службы, срок которой в два раза превышает срок военной службы, представляет собой запрещенную дискриминацию по признаку убеждений, а наличие возможности прибегнуть к наказанию в виде лишения свободы за отказ проходить гражданскую службу в течение срока, превышающего срок военной службы, является нарушением пункта 2 статьи 18, пункта 1 статьи 19 и пункта 26 Пакта.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и комментарии по ним автора

4.1 Прежде всего государство-участник решительно заявляет, что сообщение несовместимо *ratione materiae* с положениями Пакта, поскольку, с одной стороны, Комитет в своем решении относительно сообщения № 185/1984 (*Л.Т.К. против Финляндии*, сообщение объявлено неприемлемым 9 июля 1985 года)

признал, что “в Пакте не упоминается право на отказ от несения военной службы по соображениям совести; ни статью 18, ни статью 19 Пакта, особенно принимая во внимание пункт 3 с) ii) статьи 8, нельзя толковать таким образом, что они подразумевают это право” и поскольку, с другой стороны, в силу пункта 3 с) ii) статьи 8 Пакта внутреннее регулирование вопросов национальной службы и, следовательно, статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, для тех государств, которые признают такой статус, не относится к сфере действия Пакта, а остается аспектом, охватываемым внутригосударственным законодательством.

4.2 Далее государство-участник решительно заявляет, что автор не отвечает требованиям, позволяющим признать его жертвой. В связи со статьями 18 и 19 Пакта государство-участник утверждает, что за счет признания статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, и предоставления призывникам альтернативных форм прохождения национальной службы оно дает им возможность свободного выбора той разновидности национальной службы, которая соответствует их убеждениям, тем самым обеспечивая осуществление ими прав по статьям 18 и 19 Пакта. В этой связи государство-участник [...] приходит к заключению, что поскольку автор был привлечен к судебной ответственности и осужден не за его убеждения или воззрения как таковые, а за дезертирство с места службы, то, следовательно, он не может претендовать на признание его жертвой нарушения статей 18 и 19 Пакта.

4.3 В отношении предполагаемого нарушения статьи 26 Пакта государство-участник, отмечая, что автор жалуется на нарушение данной статьи, поскольку продолжительность альтернативной гражданской службы в два раза превышает срок военной службы, прежде всего заявляет, что “Пакт, запрещающая дискриминацию и гарантируя всем людям равную защиту перед законом, все же не запрещает все различия в обращении”, в основе которых должны лежать “разумные и объективные критерии”. Государство-участник подчеркивает, что положение призывников, проходящих альтернативную гражданскую службу, отличается от положения лиц, проходящих военную службу, особенно в отношении более жестких ограничений, налагаемых службой в армии. Государство-участник ссылается на соображения Комитета относительно сообщения № 295/1988 (*Ярвинен против Финляндии*), в которых Комитет счел, что 16-месячный срок альтернативной службы для отказников по соображениям совести – что вдвое превышает 8-месячный срок военной службы – “не является необоснованным и не носит карательного характера”. Поэтому государство-участник приходит к заключению, что в основе различия в обращении, на которое жалуется автор, лежит принцип равенства, требующий дифференцированного подхода к различным ситуациям.

4.4 С учетом всех этих причин государство-участник просит Комитет объявить данное сообщение неприемлемым.

5.1 Что касается первого довода государства-участника относительно компетенции *ratione materiae*, то автор ссылается на Замечание общего поряд-

ка Комитета по статье 18, в котором говорится, что право на отказ от военной службы по соображениям совести “вытекает из статьи 18, поскольку обязанности в отношении применения оружия могут находиться в серьезном противоречии со свободой совести и правом исповедовать религию или убеждение. В тех случаях, когда такое право признано законом или практикой, не должно проводиться никаких различий между лицами, отказывающимися от военной службы по соображениям совести на основании характера их конкретных убеждений; точно так же не должно быть никакой дискриминации в отношении таких лиц из-за их отказа нести военную службу”. Согласно утверждению автора, из этих замечаний со всей очевидностью следует, что Комитет правомочен определять факт наличия или же отсутствия нарушения права на отказ от военной службы по соображениям совести в рамках статьи 18 Пакта.

5.2 Что касается предполагаемого нарушения статьи 26, то автор утверждает, что требование прохождения альтернативной гражданской службы, продолжительность которой в два раза превышает продолжительность военной службы, представляет собой различие в обращении, которое не основано “на разумных и объективных критериях” и, следовательно, является дискриминацией, запрещаемой Пактом [...]. В порядке подкрепления данного заключения автор утверждает, что для увеличения в два раза срока альтернативной гражданской службы по сравнению с военной службой нет никаких оснований; в сущности [...] установление более длительного срока не обосновывается каким-либо смягчением административных процедур для целей получения статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, поскольку [...] ходатайства о предоставлении такого статуса подлежат утверждению министром обороны. Это не является оправданным и с точки зрения интересов общества. Кроме того, статус лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, не дает никаких выгод или преимуществ в отличие, например, от лиц, призываемых не на военную службу, а назначаемых на работу в системе международного сотрудничества, которые имеют возможность трудиться за рубежом в той сфере профессиональной деятельности, которая соответствует полученной ими в университете специальности, в течение 16 месяцев [...] и, следовательно, различие в обращении не является оправданным и на этом основании.

[...]

6.2 Комитет принял к сведению доводы государства-участника относительно несовместимости сообщения *ratione materiae* с положениями Пакта. В этом отношении Комитет считал, что вопрос, поднимаемый в сообщении, не связан с нарушением права на отказ от военной службы по соображениям совести, как таковым. Комитет считал, что автор в достаточной мере показал, для целей приемлемости, что сообщение может касаться вопросов, соответствующих положениям Пакта.

7. Таким образом, 11 июля 1997 года Комитет признал данное сообщение приемлемым.

Замечания государства-участника по существу сообщения

8.1 В своем представлении от 8 июня 1998 года государство-участник утверждает, что сообщение должно быть отклонено, поскольку автор не представил достаточных доказательств того, что он является жертвой, и поскольку его жалобы являются необоснованными.

8.2 Согласно утверждению государства-участника, статья L.116 Кодекса национальной службы в редакции от июля 1983 года закрепляет подлинное право на отказ от военной службы по соображениям совести в том смысле, что об искренности убеждений свидетельствует сам факт подачи ходатайства, если оно подано с соблюдением предусмотренных законом требований (то есть мотивируется утверждением ходатайствующего лица о том, что у него имеются личные предубеждения против применения оружия). Никакой проверки факта наличия таких предубеждений не проводится. Для принятия ходатайств к рассмотрению они должны быть представлены до 15 числа месяца, предшествующего зачислению на военную службу. Таким образом, ходатайство может быть отклонено только в том случае, если оно является немотивированным или подается с нарушением установленных сроков. Существует право подачи апелляции в административный трибунал.

8.3 Хотя с января 1992 года обычная продолжительность военной службы во Франции составляет 10 месяцев, для некоторых видов национальной службы установлен срок в 12 месяцев (военная служба научных работников) и 16 месяцев (гражданская служба вспомогательного технического персонала). Продолжительность службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, составляет 20 месяцев. Государство-участник отрицает, что такой срок носит карательный или дискриминационный характер. Утверждается, что это является единственным способом удостовериться в искренности убеждений, поскольку проверка последних в административном порядке больше не проводится. После завершения службы лица, отказывающиеся от военной службы по соображениям совести, приобретают те же права, что и лица, прошедшие национальную гражданскую службу.

8.4 Государство-участник информирует Комитет о том, что 28 октября 1997 года был принят закон о проведении реформы национальной службы. На основании этого закона все юноши и девушки в возрасте от 16 до 18 лет должны будут проходить однодневные военные сборы. Предусматривается возможность факультативной добровольной службы продолжительностью 12 месяцев, которая может продлеваться на срок до 60 месяцев. Новый закон применяется к мужчинам, родившимся после 31 декабря 1978 года, и женщинам, родившимся после 31 декабря 1982 года.

8.5 Согласно утверждению государства-участника, действующая в нем система отказа от военной службы по соображениям совести, как она применяется к автору, согласуется с требованиями статей 18, 19 и 26 Пакта и с Заключением общего порядка № 22 Комитета. Государство-участник заявляет,

что в рамках установленного им режима применительно к отказу от военной службы по соображениям совести не проводится какого-либо различия по признаку убеждений и не предусматривается никакого процесса проверки мотивов, излагаемых ходатайствующими лицами, как это происходит во многих соседних странах. В отношении отказников по соображениям совести не существует никакой дискриминации, поскольку их служба является признанной разновидностью национальной службы, приравненной к военной или другим видам гражданской службы. [...]

8.6 Государство-участник заявляет, что автор настоящего сообщения не подвергался никакой дискриминации на том основании, что он предпочел проходить национальную службу как лицо, отказывающееся от военной службы по соображениям совести. Оно отмечает, что автор был осужден за несоблюдение обязательств, налагаемых на него в рамках гражданской службы, которую он сам свободно избрал, причем до этого он никогда не высказывал возражений против продолжительности службы. Таким образом, он был осужден не в силу его личных убеждений и не по причине выбора им альтернативной гражданской службы, а на основании отказа соблюдать условия, диктуемые такого рода службой. В этой связи государство-участник отмечает, что оно могло предоставить автору возможность выбора другого вида неармейской национальной службы, как, например, вспомогательная техническая служба. На этом основании государство-участник утверждает, что автор не доказал, что он является жертвой какого-либо нарушения со стороны государства-участника.

8.7 Далее, государство-участник утверждает, что заявление автора является необоснованным. Государство-участник напоминает, что, согласно решению самого Комитета, не все различия в обращении представляют собой дискриминацию, если они основаны на разумных и объективных критериях. В данном контексте государство-участник ссылается на соображения Комитета по делу № 295/1998 (*Ярвинен против Финляндии*), в котором речь шла о 16-месячном сроке службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, и о 8-месячном – для остальных призывников, но Комитет пришел к выводу, что никакого нарушения Пакта не имеется, поскольку продолжительность службы служит показателем искренности убеждений призывников, ходатайствующих о статусе лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, ибо никакой дальнейшей проверки причин отказа не проводится. Государство-участник заявляет, что в отношении данного дела должны применяться те же доводы.

8.8 В этом контексте государство-участник также отмечает, что условия альтернативной гражданской службы являются менее тяжелыми по сравнению с военной службой. Лицам, отказывающимся от военной службы по соображениям совести, предоставляется широкий выбор постов. Они могут также предлагать своего собственного работодателя и могут проходить службу по специальности. Они также получают более высокую плату по сравнению с лицами, проходящими службу в рядах вооруженных сил. В этой связи государство-уча-

стник отвергает утверждение адвоката, будто лица, работающие в системе международного сотрудничества, находятся в привилегированном положении по сравнению с отказниками от военной службы по соображениям совести, и заявляет, что первым зачастую приходится трудиться в весьма трудных условиях в чужой стране, тогда как последние проходят службу на территории Франции.

[...]

9.1 В своих замечаниях адвокат заявляет, что речь идет об условиях гражданской службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести. Он заявляет, что в два раза больший срок такой службы не обосновывается какими-либо соображениями общественного порядка и ссылается в этой связи на пункт 3 статьи 18 Пакта, которым предусматривается, что свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. Он также ссылается на Замечание общего порядка № 22 Комитета, в котором Комитет заявляет, что ограничения не могут устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом. Он утверждает, что навязывание лицам, отказывающимся от военной службы по соображениям совести, гражданской службы, срок которой в два раза превышает срок военной, представляет собой дискриминационное ограничение, поскольку открытая демонстрация такого убеждения, как отказ брать в руки оружие, сама по себе не затрагивает общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц, ибо законом четко признается право на отказ от военной службы по соображениям совести.

9.2 Адвокат заявляет, что, в отличие от того, что указывается в представлении государства-участника, призывники, ходатайствующие о получении статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, подвергаются административной проверке, и возможности выбора условий службы у них не имеется. В этой связи адвокат ссылается на установленные законом требования, согласно которым ходатайство должно быть представлено до 15 числа месяца, предшествующего зачислению на военную службу, и что оно должно быть мотивированным. Таким образом, министр обороны может отказать в удовлетворении ходатайства, и никакого автоматического права на получение статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, не существует. Отсюда, как утверждает адвокат, со всей очевидностью следует, что мотивы лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, подвергаются проверке.

9.3 Адвокат отвергает довод государства-участника о том, что автор сам осознанно выбрал вид службы для прохождения. Адвокат подчеркивает, что автор сделал свой выбор на основе своих убеждений, а не исходя из продолжительности службы. Что касается условий службы, то у него выбора не было. Адвокат утверждает, что не существует никаких причин, продиктованных интересами общественного порядка, которые обосновывали бы продолжительность граж-

данской службы для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести, которая в два раза превышает продолжительность военной службы.

9.4 Адвокат считает, что такая продолжительность представляет собой дискриминацию по признаку убеждений. Ссылаясь на соображения Комитета в отношении сообщения № 295/1988 (*Ярвинен против Финляндии*), адвокат заявляет, что настоящий случай требует дифференцированного подхода, поскольку в первом случае продление сроков службы являлось, по мнению большинства членов Комитета, обоснованным ввиду отсутствия административных процедур признания статуса лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести.

9.5 Если говорить о других видах гражданской службы, и особенно о лицах, работающих в системе международного сотрудничества, то адвокат отвергает довод государства-участника, что последним зачастую приходится работать в трудных условиях, утверждая, напротив, что такая служба часто связана с работой в другой европейской стране, причем в благоприятных условиях. Кроме того, работающие в такой системе лица накапливают профессиональный опыт. Согласно утверждению адвоката, лицо, отказывающееся от военной службы по соображениям совести, не получает от своей службы каких-либо выгод. В отношении довода государства-участника о том, что продление срока службы является своеобразной проверкой искренности убеждений лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, адвокат утверждает, что такого рода проверка сама по себе представляет вопиющую дискриминацию, поскольку искренность тех лиц, которые записываются для прохождения другого вида гражданской службы, не подвергается проверке. Что касается упоминаемых государством-участником преимуществ (как, например, отсутствие необходимости носить форму или подчиняться военной дисциплине), то адвокат отмечает, что теми же преимуществами пользуются и лица, проходящие другие виды гражданской службы, продолжительность которой не превышает, однако, 16 месяцев. В отношении довода государства-участника о том, что лица, отказывающиеся от военной службы по соображениям совести, получают более высокую плату по сравнению с призывниками, проходящими военную службу, адвокат отмечает, что такие лица работают в рамках структур, где они рассматриваются как лица, работающие по найму, и, следовательно, вполне естественно, получают определенное вознаграждение. [...]

[...]

10.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

10.2 Комитет принял к сведению довод государства-участника о том, что автор не является жертвой какого-либо нарушения, поскольку он был осужден не за его личные убеждения, а за дезертирство со службы, свободно избранной им самим. Однако Комитет отмечает, что в ходе судебного разбирательства ав-

тор сослался в качестве довода, обосновывающего его дезертирство, на право на равенство в обращении между лицами, отказывающимися от военной службы по соображениям совести, и обычными призывниками и что данное заявление находит отражение в судебных решениях. Он также принимает к сведению утверждение автора о том, что как лицу, отказавшемуся от военной службы по соображениям совести, ему не было предоставлено свободного выбора вида службы, которую он должен проходить. Поэтому Комитет считает, что автор отвечает требованиям, позволяющим квалифицировать его в качестве жертвы для целей Факультативного протокола.

10.3 Комитету надлежит определить, представляют ли конкретные условия, в которых автор был вынужден проходить альтернативную службу, нарушение Пакта. Комитет отмечает, что по смыслу статьи 8 Пакта государства-участники могут требовать прохождения службы военного характера, а в случае отказа от военной службы по соображениям совести – альтернативной национальной службы, при условии, что такая служба не носит дискриминационного характера. Автор утверждает, что предусмотренное французским законом требование о прохождении 24-месячной национальной альтернативной службы по сравнению с 12-месячной военной службой является дискриминационным и нарушает принцип равенства перед законом и равной защиты закона, закрепленный в статье 26 Пакта. Комитет вновь подтверждает свою позицию, состоящую в том, что статья 26 не запрещает все различия в обращении. Вместе с тем, в основе любого дифференцированного подхода, как об этом неоднократно заявлял Комитет, должны лежать обоснованные и объективные критерии. В этой связи Комитет признает, что по закону и на практике могут устанавливаться различия между военной и национальной альтернативной службой и что такие различия могут в том или ином конкретном случае обосновывать продление срока службы при условии, что в основе такого дифференцированного подхода лежат разумные и объективные критерии, как, например, характер конкретной службы или необходимость специальной подготовки для прохождения такой службы. В данном же случае выдвинутые государством-участником аргументы не связаны с такими критериями или связаны с критериями общего характера без конкретной увязки с делом автора, а строятся скорее на доводе о том, что увеличение в два раза продолжительности службы является единственным способом проверки искренности убеждений того или иного лица. По мнению Комитета, такой довод не удовлетворяет требованию, предусматривающему, чтобы применительно к данному случаю в основе различия в обращении лежали разумные и объективные критерии. С учетом обстоятельств дела Комитет считает, что в данном случае имело место нарушение статьи 26, поскольку автор подвергся дискриминации по признаку его убеждений.

11. Комитет по правам человека, действуя согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что изложенные перед ним факты свидетельствуют о нарушении статьи 26 Пакта.

12. Комитет по правам человека с удовлетворением отмечает, что государство-участник внесло изменения в закон, с тем чтобы подобные нарушения не повторялись больше в будущем. С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что установление факта нарушения обеспечивает автору сообщения надлежащее средство правовой защиты.

Примечание редактора: Три члена Комитета (г-н Андо, г-н Кляйн и г-н Кретцмер) представили особое (несовпадающее) мнение. По их мнению, в свете всех обстоятельств данного дела, включая информацию об условиях прохождения альтернативной службы, как она представлена в пункте 8.8 соображений Комитета, в основе дифференцированного подхода к лицам, проходящим военную службу, и лицам, отказывающимся от нее по соображениям совести, лежат обоснованные и объективные критерии, и такой подход не является нарушением статьи 26 Пакта.

41. СООБЩЕНИЕ № 516/1992, АЛИНА СИМУНЕК И ДРУГИЕ ПРОТИВ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, GAOR, пятидесятая сессия, Дополнение № 40 (A/50/40), сс. 89-97. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 17 сентября 1991 года

Сообщения приняты: 19 июля 1995 года (пятьдесят четвертая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Авторами сообщений являются Алина Симунек, выступающая от своего имени и от имени своего супруга Ярослава Симунека, Дагмара Тузилова Гастингс и Йозеф Прохазка, проживающие соответственно в Канаде и Швейцарии. Они утверждают, что являются жертвами нарушений их прав человека Чешской Республикой. [...]

Факты в изложении авторов

2.1 Алина Симунек, гражданка Польши, 1960 года рождения, и Ярослав Симунек, гражданин Чехословакии, в настоящее время проживают в Онтарио, Канада. По их словам, они были вынуждены покинуть Чехословакию в 1987 году под давлением со стороны службы безопасности коммунистического режима. В соответствии с действовавшим в то время законодательством принадлежавшее им имущество было конфисковано. [...]

2.2 В июле 1990 года г-н и г-жа Симунек вернулись в Чехословакию, чтобы подать прошение о возвращении их имущества [...]. Однако выяснилось, что в период с сентября 1989 года по февраль 1990 года вся их собственность и личное имущество были оценены и проданы с аукциона Окружным национальным комитетом. Предметы, которые оказалось невозможным продать, были уничтожены. [...]

[...]

2.4 Правительство Чешской и Словацкой Федеративной Республики приняло 2 февраля 1991 года Закон 87/1991, который вступил в силу 1 апреля 1991 года. В этом законе подтверждается реабилитация чешских граждан, которые покинули страну под давлением коммунистического режима, а также оговариваются условия возвращения имущества или выплаты компенсации за его утерю. В соответствии с пунктом 1 статьи 3 этого закона лица, имущество которых было передано в государственную собственность в случаях, указанных в разделе 6 этого же закона, имеют право на его возвращение, однако лишь в том случае, если они являются гражданами Чешской и Словацкой Федеративной Республики и постоянно проживают на ее территории.

[...]

2.6 Что касается вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то представляется, что авторы не направляли свои прошения о возвращении имущества в местные суды, что требуется в пункте 4 статьи 5 закона. Судя по их сообщениям, они считают такое средство правовой защиты неэффективным, поскольку оно не отвечает условиям, предусмотренным в подразделе 1 раздела 3. Алина Симунек добавляет, что они безрезультатно подавали жалобы в компетентные муниципальные, областные и федеральные органы. [...]

2.7 Дагмар Гастингс Тузилова, американская гражданка по браку, в настоящее время проживающая в Швейцарии, эмигрировала из Чехословакии в 1968 году. 21 мая 1974 года она была приговорена *in absentia* к лишению свободы, а также к конфискации имущества на том основании, что она “незаконно эмигрировала” из Чехословакии. Ее собственность, 5/18 долей недвижимости, принадлежащей ее семье в Пльзене, в настоящее время находится в распоряжении Жилищной администрации этого города.

2.8 В соответствии с решением Окружного суда Пльзеня от 4 октября 1990 года Дагмар Гастингс Тузилова была реабилитирована; принятое ранее Окружным судом решение, а также все другие решения по этому делу были объявлены недействительными. Тем не менее, все ее последующие ходатайства в компетентные органы и требование, направленное в Жилищную администрацию Пльзеня, о рассмотрении вопроса о возвращении имущества оказались безрезультатными.

[...]

2.10 16 марта 1992 года Дагмар Гастингс Тузилова возбудила гражданский иск против Жилищной администрации на основании подраздела 4 раздела 5 упомянутого выше закона. 25 мая 1992 года Окружной суд Пльзеня отклонил этот иск на том основании, что, будучи американской гражданкой, проживающей в Швейцарии, она не имеет права на возвращение ей имущества на основании пункта 1 статьи 3 Закона 87/1991. Автор утверждает, что любое обжалование этого решения будет неэффективным.

2.11 Йозеф Прохазка, чешский гражданин 1920 года рождения, в настоящее время проживает в Швейцарии. Он бежал из Чехословакии в августе

1968 года вместе со своей супругой и двумя сыновьями. В бывшей Чехословакии он владел домом с двумя квартирами, каждая из которых включала три спальни, и садом, а также еще одним земельным участком. К началу 1969 года он передал свое имущество своему отцу, оформив дар надлежащим образом и получив согласие властей. Решениями Окружного суда, принятыми в июле и сентябре 1971 года, он, его супруга и сыновья были приговорены к тюремному заключению на основании “незаконной эмиграции” из Чехословакии. В 1973 году отец Йозефа Прохазки умер; в соответствии с его завещанием, которое было признано властями действительным, сыновья автора унаследовали дом и прочую недвижимость.

2.12 В 1974 году суд принял решение о конфискации имущества автора, поскольку он и его семья “незаконно эмигрировали”, несмотря на тот факт, что власти несколькими годами ранее признали законной передачу имущества отцу автора. В декабре 1974 года дом и сад были проданы [...].

2.13 В соответствии со своими решениями от 26 сентября 1990 года и 31 января 1991 года, имеющими ретроактивную силу, окружной суд Устьи реабилитировал автора и его сыновей в отношении их уголовной судимости. Это означает, что решения суда от 1971 года и 1974 года [...] утратили свою силу.

Жалоба

3.1 Алина и Ярослав Симунек утверждают, что требования, содержащиеся в законе 87/1991, представляют собой незаконную дискриминацию, поскольку положения этого закона применяются только в отношении “чистых чехов, проживающих в Чешской и Словацкой Федеративной Республике”. Лица, которые покинули страну или которые были принудительно изгнаны бывшим коммунистическим режимом, должны стать постоянными жителями Чехословакии, чтобы иметь право на возвращение имущества или на компенсацию. [...]

3.2 Алина Симунек утверждает, что условия для возвращения собственности, предусмотренные законом, представляют собой дискриминацию по признаку политических убеждений и религии; вместе с тем она не обосновала это свое утверждение.

3.3 Дагмар Гастингс Тузилова утверждает, что требования закона 87/1991 представляют собой незаконную дискриминацию и являются нарушением статьи 26 Пакта.

3.4 Йозеф Прохазка также утверждает, что он является жертвой действия этих дискриминационных положений закона 87/1991; он добавляет, что, поскольку в соответствии с решением суда, имеющим ретроактивную силу, конфискация его имущества была признана недействительной, этот закон вовсе не должен распространяться на него, и он никогда не терял свое законное право на свое имущество, и, таким образом, вопрос о “возвращении” имущества не может стоять.

[...]

4.2 На своей пятьдесят первой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Комитет с сожалением отметил факт непредставления государством-участником информации и замечаний по вопросу о приемлемости сообщения. Несмотря на такое отсутствие сотрудничества со стороны государства-участника, Комитет приступил к выяснению вопроса, были ли соблюдены требования Факультативного протокола в отношении приемлемости сообщения.

4.3 Комитет отметил, что конфискация и продажа данного имущества властями Чехословакии имели место в 70-е и 80-е годы. Независимо от того, что все эти события произошли до даты вступления в силу Факультативного протокола для Чешской Республики, Комитет напомнил, что право владеть имуществом как таковое не охраняется Пактом.

4.4 Вместе с тем Комитет отметил, что жалобы авторов направлены против дискриминации, обусловленной положениями Закона 87/1991, в том смысле, что они распространяются исключительно на лиц, незаконно лишенных своего имущества при прошлом режиме, которые в настоящее время постоянно проживают в Чешской Республике и имеют чешское гражданство. Таким образом, Комитет рассматривал вопрос, могут ли считаться дискриминационными положения этого закона по смыслу статьи 26 Пакта.

4.5 Комитет отметил, что обязательства государства-участника по Пакту действуют с даты его вступления в силу. Возникает другой вопрос, а именно: когда начинает действовать компетенция Комитета в отношении рассмотрения жалоб о предполагаемых нарушениях положений Пакта в соответствии с Факультативным протоколом. В своей практике в соответствии с Факультативным протоколом Комитет твердо придерживается того мнения, что он не может рассматривать предполагаемые нарушения Пакта, которые имели место до вступления в силу Факультативного протокола в отношении данного государства-участника, за исключением случаев, когда нарушения, в отношении которых представляются жалобы, продолжаются и после даты вступления в силу Факультативного протокола. Продолжающееся нарушение после вступления в силу Факультативного протокола следует толковать как подтверждение действием или фактами, явно предполагающими таковое, предыдущих нарушений со стороны государства-участника.

4.6 Хотя в данном случае уголовные судимости авторов были отменены чешскими судами, авторы по-прежнему утверждают, что на основании положений Закона № 87/1991 проводится дискриминация по отношению к ним, поскольку в двух случаях авторы жалоб (г-н и г-жа Симунек; г-жа Гастингс Тузилова) не могут сослаться на положения этого закона, поскольку они не являются чешскими гражданами или постоянными жителями Чешской Республики, а в отношении третьего автора жалобы (г-н Прохазка), как представляется, этот закон является вовсе неприменимым к его случаю.

5. В связи с этим 22 июля 1994 года Комитет по правам человека постановил, что это сообщение является приемлемым постольку, поскольку оно может затрагивать вопросы, относящиеся к пункту 6 статьи 14 и к статье 26 Пакта.

[...]

6.1 В своем представлении от 12 декабря 1994 года государство-участник утверждает, что данный закон не является дискриминационным. Государство-участник обращает внимание Комитета на тот факт, что в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Хартии основных прав и свобод, которая является частью Конституции Чешской Республики, "... закон может определять, что некоторыми видами имущества могут владеть исключительно граждане Чешской Республики или юридические лица с местом пребывания в Чешской Республике".

[...]

7.2 Что касается возвращения утраченного или конфискованного имущества, то на основании фактов, содержащихся в данном представлении, государство-участник приходит к выводу о том, что Алина и Ярослав Симунек не отвечают требованиям, предусмотренным в пункте 1 статьи 3 закона № 87/1991 о реабилитации во внесудебном порядке, а именно требованиям в отношении гражданства Чешской и Словацкой Федеративной Республики и постоянного проживания на ее территории. Таким образом, они не могут быть признаны в качестве лиц, имеющих право на возвращение имущества. [...]

[...]

8.2 Хотя г-жа Гастингс Тузилова была реабилитирована в соответствии с законом о реабилитации в судебном порядке, она не может считаться лицом, обладающим правами, которые предусматриваются в статье 19 закона о реабилитации во внесудебном порядке, поскольку во время подачи ходатайства она не отвечала условиям, предусмотренным в пункте 1 статьи 3 вышеупомянутого закона, т.е. требованиям в отношении гражданства Чешской и Словацкой Федеративной Республики и постоянного проживания на ее территории. [...] Г-жа Гастингс Тузилова получила чешское гражданство и зарегистрировала свое постоянное местожительство 30 сентября 1992 года.

[...]

9.3 В связи с тем, что вышеупомянутый отец г-на Прохазки скончался до вступления в силу закона о реабилитации во внесудебном порядке, соответствующими лицами являются наследники по завещанию, т.е. сыновья г-на Прохазки – Йозеф Прохазка и Иржи Прохазка, при том условии, что они являются гражданами бывшей Чешской и Словацкой Федеративной Республики и постоянно проживают на ее территории. Факт их реабилитации на основании закона о реабилитации в судебном порядке в данном случае не имеет никакого значения. В отношении фактов, изложенных в сообщении г-на Прохазки, государство-участник заключает, что Йозеф Прохазка и Иржи Прохазка являются чешскими гражданами, однако проживают в Швейцарии и не просили о постоянном проживании в Чешской Республике.

[...]

Рассмотрение сообщения по существу

11.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

11.2 Данное сообщение было объявлено приемлемым лишь постольку, поскольку оно может затрагивать вопросы, относящиеся к пункту 6 статьи 14 и статье 26 Пакта. В отношении пункта 6 статьи 14 Комитет считает, что утверждения авторов недостаточны обоснованны и что представленной на рассмотрение Комитета информации недостаточно для установления факта нарушения.

11.3 Как Комитет уже разъяснил в своем решении о приемлемости (пункт 4.3 выше), имущественное право как таковое не охраняется Пактом. Вместе с тем конфискация частной собственности или отказ государства-участника выплатить компенсацию за такую конфискацию все же может привести к нарушению положений Пакта в том случае, если соответствующее действие или бездействие основывалось на дискриминационных положениях в нарушении статьи 26 Пакта.

11.4 Комитету предстоит рассмотреть вопрос, приводит ли применение закона 87/1991 в отношении авторов к нарушению их прав на равенство перед законом и на равную защиту закона. Авторы утверждают, что этот закон фактически подтверждает принятые ранее дискриминационные решения о таких конфискациях. Комитет отмечает, что в данном случае рассматривается вопрос не о конфискациях как таковых, а скорее об отказе авторам в средстве правовой защиты, тогда как другим истцам было возвращено их имущество или они получили компенсацию за него.

11.5 В данном случае авторы пострадали в результате исключаящего действия положения закона 87/1991, предусматривающего, что истцы должны являться чешскими гражданами и жителями Чешской Республики. Таким образом, Комитету надлежит рассмотреть вопрос, являются ли такие предварительные условия для возвращения имущества или выплаты компенсации за него совместимыми с требованием о недопущении дискриминации из статьи 26 Пакта. В этой связи Комитет вновь повторяет на основании своей практики, что не всякая дифференциация в подходе может считаться дискриминационной по смыслу статьи 26 Пакта. Дифференциация, которая совместима с положениями Пакта и исходит из разумных оснований, не означает запрещаемой дискриминации по смыслу статьи 26.

11.6 При рассмотрении вопроса о совместимости условий для возвращения имущества или выплаты компенсации с положениями Пакта Комитету надлежит изучить все соответствующие факторы, включая первоначальные права авторов на владение данной собственностью и характер конфискаций. Государство-участник само признает, что такие конфискации были дискриминационными, в связи с чем был принят специальный закон с целью обеспечить возвращение имущества в той или иной форме. Комитет отмеча-

ет, что такое законодательство не должно приводить к дискриминации между жертвами прежних конфискации, поскольку все жертвы имеют право на возмещение ущерба без произвольных различий. С учетом того, что изначальные права авторов на владение принадлежавшего им имущества не основывались ни на гражданстве, ни на местожительстве, Комитет считает, что требования в отношении гражданства и проживания, предусмотренные положениями закона 87/1991, неоправданны. В этой связи Комитет отмечает, что государство-участник не представило каких-либо оснований, которые оправдывали бы такие ограничения. Кроме того, указывалось, что авторы и многие другие лица, находившиеся в аналогичном положении, покинули Чехословакию по своим политическим убеждениям, а их собственность была конфискована либо в связи с их политическими убеждениями, либо в связи с их выездом из страны. Эти жертвы политического преследования искали жительство и гражданство в других странах. Принимая во внимание, что само государство-участник несет ответственность за отъезд авторов, требование к ним вернуться в эту страну на постоянное жительство в качестве предварительного условия для возвращения их имущества или для выплаты соответствующей компенсации было бы несовместимым с положениями Пакта.

11.7 Государство-участник утверждает, что нарушение положений Пакта отсутствует, поскольку, принимая Закон 87/1991, чешские и словацкие законодатели не имели дискриминационных намерений. Однако Комитет придерживается того мнения, что сами по себе намерения законодательных органов не являются определяющим фактором при решении вопроса о нарушении положений статьи 26 Пакта. Мотивированная политическими причинами дифференциация вряд ли может быть совместимой с положениями статьи 26. Вместе с тем закон, который не является политически мотивированным, может также представлять собой нарушение статьи 26, если его последствия имеют дискриминационный характер.

11.8 С учетом вышеизложенных соображений Комитет приходит к выводу, что Закон 87/1991 имел своим последствием нарушение прав авторов, закрепленных в статье 26 Пакта.

12.1 Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что отказ в возвращении авторам их имущества или выплаты им компенсации представляет собой нарушение положений статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах.

12.2 В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечивать авторам эффективное средство правовой защиты, которым может являться компенсация, если то или иное имущество не может быть возвращено. В связи с тем, что, как представляется, в скором времени имущество г-на Прохазки будет или может быть частично возвращено [...], Комитет приветствует эту меру, которая, по мнению Комитета, представляет собой частичное согласие с настоящими соображениями. Комитет также рекомендует государству-участнику пересмотреть соответству-

ющий закон, с тем чтобы ни закон как таковой, ни его применение не носили дискриминационного характера.

[...]

42. СООБЩЕНИЕ № 819/1998, ДЖОЗЕФ КАВАНАХ ПРОТИВ ИРЛАНДИИ

Доклад Комитета по правам человека, том II, UN doc. A/56/40, сс. 122-136. Примечания и сноски опущены.

Дата сообщения: 27 августа 1998 года

Соображения приняты: 4 апреля 2001 года (семьдесят первая сессия)

Соображения согласно пункту 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автор сообщения [...] является г-н Джозеф Каванах, гражданин Ирландии, родившийся 27 ноября 1957 года. Автор заявляет о нарушении Республикой Ирландией статьи 2 (пункты 1 и 3 а)), статьи 4 (пункты 1 и 3), статьи 14 (пункты 1, 2 и 3) и статьи 26 Пакта. Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для Ирландии 8 марта 1990 года. Автора представляет адвокат.

Исходная информация

2.1 Статья 38 (3) Конституции Ирландии предусматривает создание в законном порядке специальных судов для проведения судебного разбирательства в случаях, когда в соответствии с законом установлено, что обычные суды “не в состоянии обеспечить эффективное отправление правосудия и поддержание общественного мира и порядка”. 26 мая 1972 года правительство, воспользовавшись своими полномочиями в соответствии со статьей 35(2) *Закона о государственных преступлениях от 1939 года* издало постановление, предусматривающее создание специального уголовного суда для проведения судебного разбирательства в связи с определенными категориями преступлений. В пунктах 4 и 5 статьи 35 этого закона указано, что если правительство или парламент в какой-либо момент сочтут, что обычные суды вновь в состоянии обеспечивать эффективное отправление правосудия и поддержание общественного мира и порядка, то будет принято соответствующее постановление или решение о прекращении деятельности специального уголовного суда. До настоящего времени власти не издавали никаких постановлений или решений о прекращении полномочий такого суда.

2.2 В силу статьи 47(1) Закона специальный уголовный суд вправе рассматривать “списочные преступления” (т.е. преступления, перечисленные в соответствующем списке) в тех случаях, когда Генеральный прокурор “считает целесообразным” проводить разбирательство по делу обвиняемого лица не в обычных судах, а в специальном уголовном суде. [...] Кроме того, специальный уголовный суд может рассматривать и “несписочные” преступления, если Генеральный прокурор, руководствуясь статьей 47(2) Закона, постанов-

ляет, что, по его мнению, обычные суды “не в состоянии обеспечить эффективное отправление правосудия в контексте судебного разбирательства по делу такого лица, обвиняемого в таком преступлении”. В этой связи Государственный обвинитель (ГО) выполняет делегируемые ему полномочия Генерального прокурора.

2.3 В отличие от судов общеуголовной юрисдикции, в составе которых действует жюри присяжных, специальные уголовные суды состоят из трех судей, которые выносят решения большинством голосов. Кроме того, в специальном уголовном суде используется ряд процедур, не предусмотренных для обычных уголовных судов, включая, в частности, правило, согласно которому обвиняемый не имеет доступа к предварительным следственным процедурам, касающимся дачи показаний некоторыми свидетелями.

Представленные факты

3.1 2 ноября 1993 года имел место серьезный и, по всей видимости, тщательно спланированный инцидент, в результате которого банда в составе семи человек захватила и подвергла физическому насилию исполнительного директора одной ирландской банковской компании, его жену, трех его детей и приходящую няню в доме, принадлежащем этой семье. Затем исполнительного директора заставили под угрозой применения насилия выкрасть в этом банке крупную сумму денег. Автор признает свое участие в данном инциденте, однако утверждает, что он сам был захвачен бандой непосредственно перед инцидентом и был вынужден принять участие в этом налете под угрозой насилия в отношении него самого и членов его семьи.

3.2 19 июля 1994 года автор был арестован в связи с вышеописанным инцидентом, и ему были предъявлены следующие семь обвинений: неправомерное задержание, ограбление, вымогательство денег путем угроз, вступление в сговор с целью вымогательства денег путем угроз, владение огнестрельным оружием с целью совершения противоправного деяния в форме неправомерного задержания. Шесть из этих обвинений были обвинениями в преступлениях, не относящихся к категории списочных, и только седьмое обвинение (владение огнестрельным оружием с целью совершения противоправного деяния в форме неправомерного задержания) было обвинением в совершении “списочного преступления”.

3.3 20 июля 1994 года на основании постановления Государственного обвинителя (ГО) [...] автор предстал перед специальным уголовным судом, где ему были предъявлены все семь обвинений в совершении как списочных, так и несписочных преступлений.

3.4 14 ноября 1994 года автор направил в Высокий суд ходатайство о предоставлении ему разрешения на пересмотр в судебном порядке постановления ГО. В тот же день Высокий суд дал ему такое разрешение, и ходатайство автора было заслушано в июне 1995 года. Автор утверждал, что преступления, в совершении которых он обвинялся, не имели отношения к под-

рывной деятельности или деятельности военизированной группы и что обычные суды были в состоянии рассматривать его дело. [...]

3.5 6 октября 1995 года Высокий суд отклонил все представленные автором аргументы. [...]

[...]

3.8 18 декабря 1996 года Верховный суд отклонил апелляцию автора на решение Высокого суда. [...]

3.9 [...] Автор заявляет, что с учетом отклонения этой его апелляции он исчерпал все возможные внутренние средства правовой защиты, предусмотренные ирландской правовой системой в связи с такими вопросами.

3.10 После отклонения ряда ходатайств о поручительстве 14 октября 1997 года в специальном уголовном суде начался процесс по делу автора. 29 октября 1997 года автор был осужден за грабеж, хранение огнестрельного оружия, а именно пистолета, с целью совершения преследуемого по обвинительному акту преступления в форме неправомерного лишения свободы и вымогательство денег с применением угроз с целью последующего их присвоения. Автор был приговорен к лишению свободы соответственно на 12, 12 и 5 лет с отбытием этих сроков одновременно с 20 июля 1994 года (т.е. с момента взятия автора под стражу). 18 мая 1999 года апелляционный суд по уголовным делам отклонил ходатайство автора о предоставлении разрешения на обжалование вынесенного ему приговора.

Жалоба

4.1 Автор утверждает, что постановление ГО о передаче его дела на рассмотрение специального уголовного суда противоречит принципам справедливости и равенства состязательных возможностей, которые предусматриваются в пунктах 1 и 3 статьи 14 Пакта. Автор утверждает, что он находился в крайне неблагоприятном положении по сравнению с другими лицами, обвиняемыми в совершении аналогичных или таких же уголовных преступлений, дела которых, в отличие от его дела, рассматривались обычными судами, вследствие чего обвиняемые могли пользоваться более широким кругом возможных в этой связи гарантий. [...]

[...]

4.3 Автор далее утверждает, что основанное на статье 47 Закона решение ГО было принято без указания каких-либо доводов или аргументов в его обоснование и, таким образом, является нарушением предусмотренной в пункте 1 статьи 14 гарантии публичного разбирательства. [...]

4.4 Кроме того, автор утверждает, что решение ГО нарушает принцип презумпции невиновности, предусмотренный в пункте 2 статьи 14 Пакта. [...] Автор утверждает, что принятое ГО решение предполагает его членство или связь с какой-либо военизированной или подрывной группой, вовлеченной в

конфликт в Северной Ирландии, или возможность того, что он сам или связанные с ним лица могут попытаться оказать давление или иное воздействие на жюри присяжных, если дело будет рассматриваться обычным судом. [...]

4.5 Автор отрицает, что он связан или когда-либо был связан с какой-либо военизированной или подрывной группой. [...]

4.6 Автор утверждает, что государство-участник не обеспечило ему эффективное средство правовой защиты, как того требует статья 2 Пакта. [...] Нельзя говорить о наличии эффективных средств правовой защиты, когда суды сами связывают себя по рукам и ногам и ограничивают применение процедуры пересмотра исключительными обстоятельствами, когда практически невозможно доказать недобросовестность действий и неправомерность доводов или соображений ГО. Поскольку автор полагает, что никаких исключительных обстоятельств в данном случае не существует, то у него нет никаких средств правовой защиты.

4.7 Кроме того, автор заявляет о нарушении предусмотренного в статье 26 принципа недискриминации, поскольку он был лишен без объективной на то причины важных правовых гарантий, предоставляемых другим лицам, обвиняемым в совершении аналогичных преступлений. В этой связи автор утверждает, что постановление ирландского правительства от 1972 года о восстановлении специального уголовного суда является по смыслу пункта 1 статьи 4 Пакта отступлением от некоторых прав, закрепленных в статье 14 Пакта. Он заявляет, что в настоящее время в Северной Ирландии отсутствует фактор роста насилия, который побудил правительство принять соответствующее решение, и что существующая ситуация не может более квалифицироваться как чрезвычайная и угрожающая жизни нации. В силу этого автор считает, что теперь нет необходимости в сохранении отступлений от части положений Пакта. В этой связи сохранение в Ирландии специального уголовного суда следовало бы рассматривать как нарушение обязательств Ирландии по пункту 1 статьи 4 Пакта.

4.8 В заключение автор заявляет, что Ирландия нарушила также свое обязательство по пункту 3 статьи 4 Пакта. Он утверждает, что нежелание Ирландии аннулировать свое постановление от 1972 года, по меньшей мере на данный момент, означает де-факто или неформально отступление от статьи 14 Пакта без уведомления об этом других государств-участников Пакта, как этого требуют его положения.

[...]

5.1 Государство-участник заявляет, что сообщение следует считать неприемлемым по смыслу пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, поскольку внутренние средства правовой защиты исчерпаны не были. На момент представления сообщения автор еще не обжаловал вынесенного ему приговора в апелляционном суде по уголовным делам. Кроме того, государство-участник заявляет, что элементы настоящей жалобы вообще не доводились до сведения национальных судов. Государство-участник утверждает, что ав-

тор ни разу не ставил в национальных судах вопрос о том, что ему было отказано в праве на публичное разбирательство дела [...]. В силу этого государство считает данные элементы жалобы неприемлемыми. [...]

5.2 Кроме того, государство-участник утверждает, приводя в подтверждение своего утверждения подробную информацию, что автор в полной мере пользовался предусмотренными в Пакте гарантиями в связи с арестом, задержанием, предъявленными ему обвинениями и судебным разбирательством по его делу. Государство-участник заявляет далее о неприменимости различных положений Пакта в контексте претензий автора, о несовместимости этих претензий с Пактом и об их недостаточной обоснованности.

[...]

7.9 Государство-участник утверждает, что совокупность вышеприведенных элементов указывает на то, что применяемые в специальном уголовном суде процедуры являются справедливыми и соответствуют статье 14 Пакта и что решение ГО о передаче дела автора в этот суд не является нарушением статьи 14 Пакта.

7.10 Касаясь утверждения автора о неравноправном и произвольном обращении в нарушение статьи 26 Пакта, государство-участник заявляет, что в соответствии с предусмотренным законом статутным режимом все лица подлежат равному обращению. Равным образом все лица находятся в одинаковых условиях в отношении возможности вынесения ГО решения о том, что обычные суды не в состоянии обеспечить эффективное отправление правосудия и поддержание общественного мира и порядка. Кроме того, режим обращения с автором соответствует режиму обращения с любым лицом, по делу которого ГО выносит аналогичное решение. Даже если Комитет усмотрит наличие различий между положением автора и положением других лиц, обвиняемых в совершении аналогичных или в равной степени тяжких преступлениях, во всех случаях применяются разумные и объективные критерии, на основе которых и было принято решение о нецелесообразности рассмотрения данного дела в обычном суде.

7.11 Вопреки утверждениям автора государство-участник заявляет, что, по мнению полиции, автор *являлся* членом организованной преступной группы, и обращает внимание на тяжесть совершенных преступлений, наличие детального плана проведения этой преступной операции и ее бесчеловечный характер. Несмотря на содержание автора под стражей до суда, нельзя было исключить опасности запугивания жюри присяжных другими членами преступной группы. В этой связи нет никаких оснований предполагать, что при принятии решения ГО проявил недобросовестность, руководствовался неправомерными мотивами или принципами или какими-либо иными произвольными соображениями.

7.12 Касаясь в заключение утверждения автора о том, что государство-участник не обеспечило ему эффективные средства правовой защиты в связи с нарушением его прав, как того требует статья 2 Пакта, государство-участник отмечает, что Конституция страны гарантирует гражданам широкие пра-

ва и что ряд нарушений оспаривались автором в судах вплоть до суда высшей инстанции. Суды досконально рассмотрели представленные автором факты, признав обоснованными одни утверждения автора и отклонив другие.

7.13 Кроме того, государство-участник отвергает как неуместный выдвинутый автором аргумент относительно совершенного государством-участником фактического или неформального отступления от Пакта в силу статьи 4. Государство-участник отмечает, что статьей 4 допускаются отступления от положений Пакта в определенных обстоятельствах, однако заявляет, что в данной ситуации оно не ссылается на это право и в силу этого считает эту норму неприменимой.

[...]

8.9 Касааясь аргументов государства-участника относительно равенства перед законом, автор заявляет, что утверждение государства-участника о том, что обращение с автором соответствовало обращению, которому подвергаются другие лица, предстающие перед специальными уголовными судами, означает лишь, что обращение с ним соответствовало тому обращению, которому подвергается меньшинство, предстающее перед специальными уголовными судами, а не большинство лиц, обвиняемых в совершении аналогичных преступлений и предстающих перед обычными судами. [...]

8.10 Касааясь вопроса об объективности и целесообразности такой дифференциации в контексте законного осуществления соблюдения предусмотренных в Пакте целей, автор ставит вопрос о целесообразности сохранения такого суда с учетом резкого сокращения актов насилия со стороны военизированных групп. Даже если применение указанных процедур и является соразмерной реакцией на подрывную деятельность, при том, что сам автор так не считает, можно ли считать правомерным применение этих процедур к действиям, не имеющим отношения к подрывной деятельности. Автор считает невозможным определить целесообразность такой дифференциации, поскольку критерии, которыми руководствовался ГО, по-прежнему неизвестны и поскольку именно ГО несет ответственность за поддержание уголовного обвинения.

[...]

9.1 До рассмотрения любой претензии, содержащейся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен решить, в соответствии с правилом 87 своих правил процедуры, вопрос о том, является ли эта претензия приемлемой согласно Факультативному протоколу к Пакту.

9.2 Во исполнение требования, содержащегося в пункте 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

9.3 Касааясь утверждения государства-участника о том, что доступные внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, Комитет отмеча-

ет, что рассмотрение досудебной тяжбы по поводу решения ГО завершилось в Верховном суде. Кроме того, представленная автором апелляция на вынесенный ему приговор, которая мотивировалась тем, что решение ГО повлияло на ход судебного разбирательства, была отклонена апелляционным судом по уголовным делам. Истец, представляющий соответствующие вопросы на рассмотрение национальных судов, не обязан использовать точные формулировки Пакта по причине несхожести средств правовой защиты в различных государствах. Требуемый решения в этой связи вопрос имеет несколько иной характер и заключается в следующем: затрагивались ли в ходе соответствующих процессуальных действий с учетом всей их совокупности факты и вопросы, представленные на рассмотрение Комитета. С учетом этих процессуальных действий, мнения другого контрольного органа в рамках судебной системы государства-участника и отсутствия каких-либо оснований предполагать наличие дополнительных средств правовой защиты Комитет заключает, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует рассмотрению Комитетом настоящего сообщения.

9.4 Касаясь претензии автора по статье 2, Комитет отмечает, что утверждения автора в этой связи не влекут за собой постановки каких-либо новых вопросов в дополнение к вопросам со ссылкой на другие статьи, которые рассматриваются ниже. Касаясь предполагаемого нарушения статьи 4, Комитет отмечает, что государство-участник не пыталось сослаться на эту статью.

9.5 Что касается остальных аргументов государства-участника в контексте вопроса о приемлемости сообщения, то Комитет считает, что эти аргументы неразрывно связаны с вопросами существования и потому не могут быть должным образом оценены в отрыве от полного рассмотрения представленных фактов и аргументов. Комитет признает сообщение приемлемым, поскольку в нем затрагиваются вопросы, касающиеся статей 14 и 26 Пакта.

Рассмотрение существования дела

10.1 Автор утверждает, что имело место нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта, поскольку в результате передачи его дела на рассмотрение специального уголовного суда, процедура которого не предусматривает использование жюри присяжных и права на допрос свидетелей на этапе предварительного рассмотрения дела, ему было отказано в праве на справедливое судебное разбирательство. Автор признает, что ни рассмотрение дела судом присяжных, ни проведение предварительного расследования не относятся к числу предписываемых Пактом требований и что отсутствие какого-либо одного или сразу двух этих элементов не обязательно означает, что судебное разбирательство было несправедливым, однако при этом он утверждает, что вся совокупность факторов, связанных с рассмотрением его дела в специальном уголовном суде, свидетельствует о несправедливом характере судебного разбирательства. Комитет считает, что проведение судебного разбирательства не обычными, а

какими-либо другими судами само по себе не обязательно означает нарушение права на справедливое слушание дела и что факты по настоящему делу не свидетельствуют о том, что такое нарушение действительно имело место.

10.2 Утверждение автора о нарушении принципа равенства перед судами и трибуналами, предусмотренного в пункте 1 статьи 14 Пакта, перекликается с его утверждением о нарушении его права на равенство перед законом и на равную защиту закона, которое предусматривается в статье 26 Пакта. В результате принятого ГО решения о передаче дела автора на рассмотрение специального уголовного суда автор предстал перед судом, который был создан в чрезвычайном порядке. Применение к автору такого подхода лишило его доступа к некоторым предусмотренным национальным законодательством процедурам и поставило его в положение, которое отличается от положения других лиц, обвиняемых в совершении аналогичных преступлений, в обычных судах. В рамках юрисдикции государства-участника использование суда присяжных рассматривается как важное средство правовой защиты, как правило, доступное обвиняемым. В силу этого в соответствии со статьей 26 Пакта государство-участник обязано показать, что в основе решения о рассмотрении дела в соответствии с отличной от обычной процедурой лежат разумные и объективные мотивы. В этой связи Комитет отмечает, что в законодательстве государства-участника, а именно в Законе о государственных преступлениях, перечисляются конкретные преступления, которые могут рассматриваться специальным уголовным судом по представлению государственного обвинителя. Кроме того, в этом законе предусмотрено, что специальным уголовным судом могут рассматриваться любые другие преступления, если государственный обвинитель считает, что обычные суды “не в состоянии обеспечить эффективное отправление правосудия”. Даже если исходить из приемлемости упрощенного уголовного процесса для разбирательства по некоторым тяжким преступлениям при условии справедливости такого разбирательства, Комитет считает проблемной ситуацию, когда в принятом парламентом законодательстве перечисляются конкретные тяжкие преступления, относимые к юрисдикции специального уголовного суда по ничем не ограничиваемому усмотрению государственного обвинителя (“если он считает это целесообразным”), и допускается, как это имело место в деле автора, возможность рассмотрения в таком специальном суде любых других преступлений, если государственный обвинитель находит неадекватным использование для этих целей обычных судов. При этом не требуется дачи каких-либо объяснений по поводу “целесообразности” использования специального уголовного суда или “неадекватности” обычных судов. Комитет не был поставлен в известность о мотивах, лежащих в основе решения по данному делу. Кроме того, возможность судебного пересмотра решений государственного обвинителя на практике ограничивается исключительными и по существу недоказуемыми обстоятельствами.

10.3 Комитет считает, что государство-участник не показало, что в основе решения о передаче дела автора на рассмотрение специального уголовного

суда лежали разумные и объективные мотивы. В силу этого Комитет констатирует факт нарушения предусмотренного в статье 26 Пакта права автора на равенство перед законом и на равную защиту закона. С учетом этого заключения по поводу статьи 26 в контексте данного случая представляется излишним рассматривать вопрос о нарушении принципа равенства “перед судами и трибуналами”, который предусматривается в пункте 1 статьи 14 Пакта.

10.4 Автор утверждает о нарушении его права на публичное разбирательство, которое предусматривается в пункте 1 статьи 14 Пакта, поскольку он не был заслушан государственным обвинителем в связи с решением ГО о передаче дела на рассмотрение специального уголовного суда. Комитет считает, что право на публичное разбирательство касается судебного процесса и не применяется к досудебным решениям, принимаемым обвинителями и государственными властями. Поскольку открытый и публичный характер судебного разбирательства и процедур обжалования не оспаривается, Комитет заключает, что право на публичное разбирательство нарушено не было. Кроме того, Комитет отмечает, что решение о передаче дела автора на рассмотрение специального уголовного суда само по себе не является нарушением принципа презумпции невиновности, который предусматривается в пункте 2 статьи 14 Пакта.

11. Комитет по правам человека, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 26 Пакта.

12. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты. Государство обязано также не допускать аналогичных нарушений в будущем: в этой связи ему следует обеспечить, чтобы решения о передаче дел на рассмотрение специального уголовного суда принимались исключительно на основе разумных и объективных критериев.

[...]

Примечание редактора: В особом мнении г-н Хенкин, г-н Лаллах, г-жа Медина Кирога, г-н Халиль и г-н Велла утверждали, что в данном случае имело место также нарушение принципа равноправия, закрепленного в пункте 1 статьи 14 Пакта, в первом предложении которого провозглашается принцип равенства людей в рамках самой судебной системы. “Этот принцип углубляется и дополняется принципами, закрепленными в других пунктах статьи 14. Нарушение принципа равноправия имеет место в тех случаях, когда не все лица, обвиняемые в совершении одного и того же преступления, предстают перед обычными судами по подсудности, поскольку часть из них предстает перед специальным судом на основании дискреционного решения исполнительной власти”.